

В. Г. ТАН-БОГОРАЗ

СЕВЕРНОЕ ОЛЕНЕВОДСТВО ПО ДАННЫМ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПЕРЕПИСИ 1926—1927 гг.¹

ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО РАЗБОРА²

Хозяйственные формы малых народностей севера можно классифицировать более или менее четко. Они представляют следующие варианты:

А. Хозяйство присваивающее:

1. Рыболовство: а) морское, б) рыболовство устьев рек (ходовая рыба), в) рыболовство средних течений рек (жиловая рыба), г) рыболовство озерное.

2. Охота: а) охота сухопутная, б) охота морская; по другому признаку: а) охота мясная, б) охота пушная.

Б. Первобытное скотоводство (оленеводство):

а) оленеводство санное (тундренное), б) оленеводство верховое (таежное); по другому признаку: а) оленеводство с применением пастушеской собаки, б) оленеводство без применения пастушеской собаки.

Эти варианты в общем смыкаются в четыре основных раздела: 1) рыболовство, 2) сухопутная охота, 3) морское звероловство и 4) оленеводство.

Присваивающего хозяйства с преобладанием растительных продуктов в Сибири не существует по суровости климата. Однако, собирание съедобных корней, листьев, ягод, кедровых орехов и т. д. составляет подсобный промысел, дополняющий все указанные виды хозяйства.

Варианты и разделы туземного хозяйства большей частью встречаются в виде комплекса. Только в некоторых случаях преобладает чистый вид. Так, кочевые самоеды и кочевые чукчи с коряками в многооленных округах не имеют досуга для какого-нибудь другого занятия помимо оленеводства. Даже необходимую пушную валюту для покупки товаров они приобретают, выменивая оленью шкуру, готовую одежду, живых телят на песцовые и беличьи шкуры у своих малооленных соседей. Впрочем, это относится скорее к кулакам и середнякам. Батраки при оленьих стадах не имеют досуга для охоты, но также не имеют оленьего сырья для обмена.

Наиболее типичными комплексами являются следующие.

1. Пушная охота в сочетании со всеми остальными вариантами. Пушная охота в тайге преимущественно белка, а также, разумеется, соболь; на тундре песец дает необходимую валюту для покупки товаров. Добывание пушнины

¹ Территориальные и групповые итоги по хозяйственной переписи. Москва, 1929 г.

² В 1933 г. предстоит вторая всесоюзная перепись, которая поставит перед этнографами ряд ответственных задач. Помещая данную статью, редакция „Советской Этнографии“ даст еще несколько статей, посвященных вопросам критического разбора итогов переписи 1926—1927 гг. и организации новой.

одинаково свойственно речным и озерным рыболовам, приморским звероловам, уже не говоря о сухопутных охотниках.

2. Сухопутная охота в сочетании с верховым оленеводством. Пеших охотников мало в северной Евразии. Это племена обездоленные и вымирающие, как кеты и юкагиры. В северной Америке, напротив, основная охота — это пешая охота.

3. Морское звероловство, к югу от Анадырской бухты, у сидячих коряков, камчадалов и охотских чамутов в сочетании с рыболовством устьев рек — промысел ходовой рыбы.

Мясная охота вообще сокращается и отходит на задний план за истреблением копытного зверя. В питании туземцев мясо заменяется отчасти рыбой, причем зимние охотники на лето спускаются к рекам и превращаются в рыболовов. В других случаях мясо заменяется покупною мукою. Таким образом, охотничьи хозяйства опираются исключительно на пушной промысел и приобретают преобладающую товарную форму.

Помимо этих основных северных промыслов есть и другие важные виды хозяйства, занесенные с юга более поздними волнами переселений. Таковы:

а) Скотоводство — разведение рогатого скота и лошадей, гораздо реже разведение овец. Оно принесено на север финляндскими финнами (Мурманский округ, русская Лапландия), русскими (Сев. Двина, Печора, Камчатка), якутами (Лена, Яна, Индигирка, Колыма и другие якутские реки).

б) Огородничество и в гораздо меньшей степени земледелие принесены на Север теми же народами, кроме якутов. Впрочем, в Якутском и Вилюйском округах якуты усвоили земледелие и сделали значительные успехи. На Амуре к гольдам огородничество переходило в последние десятилетия от китайцев и корейцев.

Эти последние формы хозяйства как у основных северных туземцев, так и у пришлых народностей составляют комплексы с четырьмя основными формами хозяйства, указанными выше. Например, якуты, в основном, сочетают рыболовство с скотоводством и дополнительно с оленеводством и пушной охотой. Русские на Камчатке сочетают рыболовство с сухопутной охотой, но на охоту выезжают летом верхом на лошадях, зимою по рекам ездят на собаках. Различные группы тунгусов выезжают на охоту и кочуют вместо оленей на лошадях и т. д.

Оленеводство, являясь оригинальной хозяйственной формой севера, основным достижением культуры северных народностей, представляет ряд основных более или менее четких разделов. 1) Первый раздел по линии полярного круга: а) тундренное (санное) оленеводство. Наиболее типичны самоеды с зырянами и чукчи с коряками. б) Таежное, верховое оленеводство, основная народность тунгусы. 2) Второй раздел по линии меридиана с границей по р. Енисею: а) к западу от Енисея оленеводство с пастушеской собакой и б) к востоку от Енисея оленеводство без пастушеской собаки. Из взаимодействия этих разделов, широтного и долготного, возникает ряд своеобразных типов и подтипов оленеводства. Можно указать, напр., в дополнение к упомянутым следующие.

1. Лопарское оленеводство, имеющее с одной стороны пастушескую собаку, а с другой стороны, практикующее летний отпуск оленей на волю,

который ежегодно дезорганизует и разрушает оленье стадо. 2. Остяко-самоедское и кетское оленеводство, тоже практикующее летний отпуск оленей и даже не имеющее пастушеской собаки, хотя и расположенное к западу от Енисея. Тип оленеводства весьма примитивный. 3. Саянское, карагасско-сойотское оленеводство, верховое, с особенно крупной породой оленей, с очень небольшим поголовьем, весьма одомашненными оленями и с отсутствием пастушеской собаки, которая фактически является излишней. 4. Так называемое избяное, оседлое оленеводство, разбросанное весьма небольшими группами в северной части Европейской части СССР и в северозападной Сибири. Олени весьма ручные и крупные, постоянно держатся у дома, подкармливаются отбросами домашнего хозяйства.

Можно еще упомянуть о начале самостоятельного воспитания пастушеской собаки у анадырских чукоч и охотских ламутов.

Предметом настоящей статьи является анализ фактических материалов, относящихся к оленеводству. Предыдущие указания, для того чтобы приобрести какую-нибудь значимость, нуждаются в обширном, систематически подобранном и точном числовом материале. Недостаточно указать, что в северной Евразии существуют такие и такие то типы оленеводства. Надо указать массовость оленеводства, точное распределение его по народностям и округам, по районам, околоткам и отдельным экономическим единицам. Надо также указать классовое распределение оленеводства, количество и численность бедняцких, середняцких и кулацких стад, исчислить батраков, выявить их распределение по более богатым стадам, их заработок и прожиточный уровень и прочее. Каждая экономическая категория нуждается для своего определения в обильном цифровом материале. Поэтому, единственной опорой для точной характеристики северного хозяйства являются данные хозяйственных переписей, в частности, для нашей эпохи данные хозяйственной переписи 1926—1927 гг. Эта перепись была произведена после большого перерыва времени. Ей предшествовала перепись 1897 г., в которой я принимал, между прочим, непосредственное участие, а именно, руководил собираньем данных о туземных племенах в пределах Колымского округа, где я в то время был в политической ссылке.

Перепись 1926—1927 г., через три десятилетия после переписи 1897 г., была гораздо обстоятельнее и разнообразнее своей предшественницы. В особенности ее экономический подход является новым, и можно сказать, пионерским. Собранные ею материалы отличаются почти необъятным обилием, и в течение последнего пятилетия она представляет базу для целого ряда экономических исследований в области Севера.

Наибольшую важность представляют материалы, посвященные классовому расслоению северных народностей. Перепись определяет его в виде лестницы хозяйств, имеющих различную экономическую мощь и медленно восходящих от бедных к зажиточным, от зажиточных к богатым, от богатых к богатейшим. В дополнение к этому перепись группирует данные о найме рабочей силы и подходит к этому важному вопросу с различных точек зрения.

Однако, именно серьезность задач, поставленных переписью, заставляет нас отнестись с неослабным вниманием не только к ее достижениям, но также

к ее недостаткам и пробелам, хотя бы для того, чтобы избежать их повторения в ближайшем будущем.

Ряд указаний на эти недостатки был уже сделан, что видно из нижеприведенных цитат. Излишне указывать, что этот критический разбор данных переписи не колеблет основных установок советизации северного хозяйства, вытекающих из практических требований, но, напротив, поддерживает и подкрепляет их.

Лица, руководившие переписью, проделали огромную работу и вспоминают о ней с известным удовлетворением. В предисловии указано: „Перепись оказалась весьма популярной; заинтересованность местных и центральных советских организаций, а также научных организаций и отдельных лиц была велика. В некоторых статотделах количество поданных заявлений значительно превышало потребность. Все это дало возможность подобрать довольно квалифицированный и знакомый с условиями работы на севере персонал“.

В другом месте специально по поводу чукоч, которыми я так много занимался, указано: „При чтении программы, в особенности в части, касающейся обследования оленеводства, местные старожилы не могли, оставаться серьезными, они указывали, что „подобные запросы уже не раз присылались, но никто не сумел получить требуемых сведений“. В особенности скептически относились к переписи старые проводники и торговцы развозного торгова. „Чукчи обычно — рассказывали они — отказываются давать сведения, ссылаясь на незнание, хотя все олени мечены и каждый чукча немедленно определяет, если у него потеряется несколько оленей“; указывалось на то, что „суеверия не позволяют сообщать разные хозяйственные сведения“ и т. п. Но продолжительное пребывание регистраторов среди приполярного населения, более или менее умелый подход к нему преодолели все эти препятствия“.¹

Я отношусь к этому оптимизму несколько критически и склонен допустить, что перепись 1926—1927 гг., несмотря на умелый подбор регистраторов, была, во всяком случае, не более точной, чем перепись 1897 г. Так, перебирая поселенные списки (рукописные), относящиеся к чукотскому району Камчатского округа, я нашел к моему крайнему удивлению в Чаунском околотке две народности: чукчи и чаучу. Некоторые стойбища помечены как чукчи, а другие как чаучу. Есть стойбища, совмещающие обе указанные народности. На деле, как известно даже неспециалистам, чаучу означает оленных чукоч. Чаунский околоток населен исключительно оленными чукчами, или, если угодно, народностью „чаучу“, но это одна и та же народность.

Прилагаю соответственное извлечение из поселенных списков. Мы видим кроме народностей чукчи и чаучу еще пометку: чукча (чуванец) и, наконец,

¹ В примечании к предисловию указано, что в переписи участвовало 133 чел., в том числе с высшим образованием 50 чел., из них 9 этнографов, 2 ученых ихтиолога, 1 зоолог-охотовед. Девять этнографов — это, разумеется, мало. Кроме того, сколько я знаю, все это были молодые студенты, далеко не окончившие курса. 2 ихтиолога и 1 охотовед — это еще того меньше. Если бы было их больше, они, быть может, помогли бы устранить ту ихтиологическую путаницу, которую я укажу ниже. Дальше, в предисловии указано: „Некоторые сотрудники экспедиции обладали знанием туземного языка“. К сожалению, не сказано, сколько было таких знатоков. Знание местного языка, конечно, не менее важно, чем знание местных условий.

на Еропольском стойбище пометку: метис, без более подробных указаний. Кстати сказать, перепись никак не отмечает смешения народностей, кроме одного места в предисловии.

а) По Чукотскому району

		Хоз.	Чел.
Чаунский кочевой совет Мильхуем коч. хоз.	{ чаучу . . .	3	23
	{ чукча . . .	1	16
Итого . .		4	39

		Хоз.	Чел.
Чаунский коч. совет Чаа (чаун) коч. хоз.	{ чаучу . . .	13	63
	{ ламут . . .	2	10
	{ чукча . . .	1	3
Итого . .		16	76

б) По Анадырскому району

		Хоз.	Чел.
Усть-Бельский сельсов. сел. Вилка-Камень	{ чукча . . .	3	14
	{ чукча (чуван.)	1	3
Итого . .		4	17

		Хоз.	Чел.
Еропольский коч. сельсов. Еропол, верх. реки	{ чуванец . .	10	72
	{ ламут . . .	2	11
	{ чукча . . .	2	7
	{ метис . . .	1	7
Итого . .		15	97

Отзывы с мест о методах производства переписи вполне подтверждают некоторый пессимизм. Так, в отчете Камчатского окружного революционного комитета (Петропавловск, Камч., 1928) указывается: „как общее правило, в основу учета количества оленей по переписи был положен опрос владельцев табунов. Сведения поверялись показаниями соседей, количеством проданных и использованных в собственном хозяйстве шкур, осмотром и фотографированием табунов“.

Подсчет путем фотографирования, конечно, не является точным. Далее, Камчатский отчет указывает не только на постоянное убавление численности стад в показаниях владельцев, но даже на прямой отказ давать какие бы то ни было сведения о величине табунов.

„Все приведенные соображения приводят к несомненному убеждению, что фактическое количество значительно превышает зарегистрированное переписью“. Так заканчивается Камчатский отчет.

Это сообщение не нуждается ни в каких комментариях.

Также в таблицах работы: „Оленеводство Тобольского Севера в цифрах“, Тобольск, 1930 г., указано: „необходимо оговориться, что в виду допущенного переписью недоучета оленьих стад, особенно в кочевых хозяйствах, таблицы

не могут претендовать на совершенную точность. Вместе с тем за истекший после переписи промежуток времени абсолютные показатели, очевидно, подверглись некоторым изменениям и нуждаются в соответственных поправках“.

Другие данные, напротив, говорят о преувеличении оленных стад. Были на севере ретивые администраторы, которые во что бы то ни стало стремились повсюду найти так называемых оленных феодалов (см. ниже). Даже относительно анадырского стада, недавно (в конце 1931 г.) пришла телеграмма, правда, не особенно ясная, что в районе имеется только 160 000 оленей. По переписи в Анадырском районе указано более 300 000. Эти колебания настолько значительны, что между ними довольно трудно нащупать с некоторой точностью действительные факты.

После этих кратких замечаний я постараюсь сделать более подробный анализ данных переписи. Начну с недоумений и противоречий фактических, потом перейду к вопросам более глубоким, связанным с методологией.

Прежде всего скажу о группировках населения. Народности Севера расположены просто по алфавиту, очевидно, во избежание возможных недоразумений. В результате этого, за камчадалами следуют карелы, а за карелами коряки. Странно видеть внедрение карельской народности между близко родственными камчадалами и коряками. Ламуты от тунгусов, самоеды от юраков, вогулы от остяков разделены большими промежутками. Алеуты стоят вначале, а родственные им эскимосы близко к концу.

Впрочем, я бы не решился посоветовать составителям „Итогов похозяйственной переписи“ поместить народности Севера в более систематическом порядке, принимая во внимание, например, следующие факты: в 17-м томе Всесоюзной переписи населения 1926 г., отдел 1-й, табл. 10, народности Союза перечислены в следующем порядке:

1. Русские	43. Марийцы	80. Тунгусы
2. Украинцы	44. Мордва	81. Ламуты
3. Белорусы	45. Мадыры	83. Гольды
4. Поляки	46. Гагаузы	91. Манджуры
9. Латыши	47. Чуваши	92. Чукчи
10. Литовцы	48. Татары	93. Коряки
13. Немцы	50. Башкиры	95. Гиляки
14. Англичане	52. Ногайцы	101. Айны
15. Шведы	53. Цыгане	102. Китайцы
16. Голландцы	54. Калмыки	103. Японцы
17. Итальянцы	56. Буряты	104. Корейцы
18. Французы	57. Сарт-калмыки	105. Грузины
21. Греки	58. Вогулы	109. Сваны
22. Албанцы	59. Остяки	110. Абхазы
23. Евреи	60. Остяки-самоеды	111. Черкесы
24. Евреи крымские	61. Самоеды	115. Чечены
25. Евреи горские	62. Юраки	135. Андии
27. Евреи средне-азиатские	63. Сойоты	143. Дидои
28. Караимы	65. Бухарцы	147. Армяне
29. Финны	67. Алтайцы	148. Хемшины
30. Финны ленингр.	72. Карагассы	149. Арабы
31. Карелы	79. Якуты	150. Айсоры

151. Кайтаки	159. Карачаи	174. Узбеки
152. Боша	160. Кумыки	175. Дунгане
153. Осетины	161. Балкары	176. Афганцы
154. Курды	163. Тюрки	177. Таджики
155. Иезиды	166. Туркмены	181. Ягнобцы
156. Талыши	167. Киргизы	185. Белуджи
157. Таты	172. Казаки	188. Индусы

При таком порядке расположения народностей, после угров (45) следуют турки (46—52), затем цыгане (53) и монголы (54—57), а затем опять угры (58—59); турецкие народности перемежаются с финскими, монгольскими, яфетическими и другими (28, 46—52, 63—79, 159—174), иранцы, в свою очередь, показаны чересполосно с другими этническими группами (153—157, 176—185) и т. д.¹

Такие странные методы классификации народностей, очевидно, говорят не только о незнакомстве, но даже о нежелании знакомиться и считаться с этнографическими материалами.

Перейдем к таблице северной переписи: „Материалы к вопросу о естественном движении населения (приложение 1)“. Заголовок таблицы говорит о естественном движении населения, но к весьма большому сожалению, в хозяйственных карточках нет никаких данных о рождаемости у женщин. На карточке к женщинам относится 19 граф. Что бы прибавить еще 20-ю для рождаемости. Из того, что приведено ниже относительно чукоч, можно судить, какой настоящий реальный интерес могли бы представлять эти данные. Они помогли бы осветить вопрос о том, вымирают ли северные народности или, напротив, размножаются. Данные о возрасте, приведенные в таблицах, тоже не могут осветить этого вопроса. В таблицах I и II указаны три возрастные категории: мужчины — первая до 18 лет, вторая от 18 до 59 лет, женщины — первая до 16 лет, вторая от 16 до 54 лет, третья категория по численности совершенно ничтожная: „нетрудоспособные“ составляет около полупроцента населения. Ясно, что по таким данным нельзя судить о естественном движении населения. На карточке есть особая графа о возрасте, и в Материалах всесоюзной переписи, том XVII, возраст указан подробно для многих народностей, в том числе для тунгусов. Но другие северные народности выпали.

В таблице приложение 1 указано движение населения за последний год. В общем на севере:

	Родилось	Умерло
Мужчин	3626	1702
Женщин	3545	1651

Получается значительный прирост — 3813 на общее число населения 164 587, причем количество умерших меньше половины количества родившихся. Впрочем,

¹ Цитировано по статье З. Чернякова „О методах составления этнографических карт“, „Этнография“, 1930. Я сличал цитату с подлинником. Можно было бы указать и другие курьезы. Так, кавказские народности помещены почему то после китайцев, японцев и корейцев. № 163 — тюрки — вообще без всяких указаний, их довольно много — 1 706 605 ч. Далее следует № 164 — тюрки османские 8750 ч. и № 165 — тюрки ферганские и самаркандские 537 ч. И почему тюрки, а не турки? С. К. Патканов в своем посмертном труде „Список народностей Севера“ настойчиво предупреждал против подобных размещений и смешений.

при более точном анализе этих цифр прирост населения относится гораздо больше к оседлому населению: 106 263 человек и прирост 1987, почти 2%. Кочевого населения 58 324, а прирост 870 — менее 1.5%. Данные этой таблицы все же говорят о приросте населения, но они чересчур отрывочны и явно недостаточны.

Приведу некоторые факты, относящиеся к чукчам.

По данным, собранным мною во время работы по переписи 1897 г., общая численность чукоч доходила до 12 000, в том числе три четверти — 9000 были оленные и одна четверть — 3000 были приморские. В сводке Патканова указано с формальной точностью 11 771 человек.

По данным переписи 1926—1927 гг. общее число чукоч 12 252. Чукоч оленных 8756, чукоч оседлых, т. е. приморских, 3496.

Таким образом, получается как бы некоторый прирост населения, но с весьма неожиданным уменьшением чукоч оленных, которые по всем данным в течение последнего полувека непрерывно возрастают в числе. Я считаю, что перепись 1926—1927 гг. приморских чукоч подсчитала более или менее точно, а из оленных чукоч пропустила ряд более глубоко расположенных хозяйств и даже околотов.

По всем данным численность чукоч непрерывно возрастает и в настоящее время достигает, вероятно, 15 000. Особенно оленные чукчи являются самой здоровой из всех народностей северовосточной Азии. Их семьи имеют больше детей, чем у всех соседних народностей. Во время переписи 1897 г. я встречал во многих семьях 5—7 и даже 9 живых детей. 10% семей имели больше, чем по 5 живых детей.

Что касается рождаемости, то даже у приморских чукоч я встречал рождаемость у женщины в 13 детей; 7 живых, 6 умерших; 11 детей — 3 живых и 8 умерших. Неоднократно, особенно у оленных чукоч, встречал живых близнецов. Увеличение численности оленных чукоч совпадает с увеличением их стад и продвижением их кочевий далеко на запад в течение всего XIX века.

В алфавитном перечне народностей „Итогов переписи Севера“ находим следующие недоразумения: особо указаны № 30 самоеды оседлые и № 31 самоеды кочевые. А дальше № 43 юраки оседлые и № 44 юраки кочевые. Общее число самоедов 12 560 + 594. Общее число юраков 2 032 + 82. Таким образом, юраки указаны как довольно незначительное меньшинство, обитающее притом только в Туруханском округе. На деле же юраки представляют русское название значительного большинства тундренных оленных самоедов от Печоры до Енисея.¹ Общая численность других самоедских племен гораздо менее значительна. Кроме того оседлые юраки временно исчезли с таблицы II (распределение по округам) и вновь появились в таблице III (распределение по районам).

Самоеды-юраки называют себя в частности пепес („человек“). Самоеды тавгийские (или авамские, или вадеевские) называют себя папасаа („человек“) или па („товарищ“). Самоеды енисейские (или хантайские, или карасинские) называют себя маду или самату (значение неизвестно). Эти группы обитают

¹ Ср., например, Патканов. Список народностей Сибири, стр. 4.

к востоку от Енисея, и общая численность их довольно незначительна. Есть еще группа лесных самоедов, живущих по реке Пур (рап хасово — „лесные люди“). В последние 30 лет их неоднократно открывают заново и заново проезжие географы.

К удивлению выпали из таблиц самоеды Мурманского округа, пришедшие туда с полвека назад вместе с зырянами-ижемцами.

В таблицах указаны чуванцы оседлые и чуванцы кочевые. Численность чуванцев оседлых на стр. 224—395, а на стр. 228 в Камчатском округе чуванцев оседлых — 417. Почему то эти цифры не совпадают. Быть может, это одна из опечаток, которых в издании предостаточно. Чуванцы кочевые — 312. На деле, однако, чуванцы как оседлые, так и кочевые числятся только по ревизским сказкам. Оседлые чуванцы уже более ста лет говорят по-русски, смешались с обруселыми юкагирами и с русскими переселенцами. Кочевые чуванцы сохранились, как горсточка, на стыке оленных чукоц с оленными коряками. Но они тоже потеряли свой собственный язык. Западная часть их говорит по-коряцки, а восточная по-чукотски.

Впрочем, эта горсточка чуванцев осталась вне всякого научного исследования.

В карточке есть графы: „национальность“ (26), и „говорит ли по русски“ (29), но нет особой графы о родном языке, который с национальностью далеко не всегда совпадает. Можно поставить вопрос, как именно определяли переписчики национальность северного населения. Среди множества мелких племен, живущих на севере и находящихся под воздействием руссификации и другой ассимиляции со стороны более культурных народностей, а также смешивающихся между собой по всем племенным границам, определение национальности является довольно затруднительным и сложным. Даже самоопределение здесь далеко не соответствует истинному положению вещей. Ряд племен привыкли определять свою национальность по старым ревизским сказкам. Еще не так давно человек считался той национальностью, которой он „пишется“. Оседлые рыболовы Нижнеколымской волости писались юкагирами, чуванцами и даже омоками, а одна группа писалась якутами. Все это были старые туземные роды, давно утратившие свое национальное лицо и язык и, таким образом, превратившиеся в русских. Напротив того, затундренские крестьяне Туруханского края частично утратили русский язык и усвоили самоедский и якутский.

Часть северных племен, совершенно потерявшие свое национальное лицо и свой собственный язык, представляет на севере проблему ошутительную и практически болезненную. Сюда относятся обруселые чуванцы и юкагиры, объякутелые и обуряченные тунгусы, озыряненные самоеды, так называемые яраны. При царском режиме они имели от этой потери национального лица определенные удобства. В настоящее время они желали бы числиться в составе нацбольшинства. На деле они должны числиться в виде нацменьшинства, со всеми вытекающими отсюда последствиями. В особенности необходима такая четкость в школе. Например, в Институт народов Севера по ежегодному приему до сих пор проникает некоторое количество таких обруселых чувано-юкагиров и озыряненных яранов, которые не знают никакого северного языка и пред-

ставляют определенное неудобство при организации национального обучения.

Перепись 1926—1927 гг. не имеет никакого представления об этих частях населения, потерявших свою национальность. Например, камчадалы указаны в числе 3837. На деле более 2000 из этого числа в течение трех поколений уже говорят по-русски. И только около 1000, обитающих на северозападном берегу, с центром в сел. Харгиузово, говорят по-камчадалски (ительменски). Мы называем эту часть камчадалов ительменами, число их постоянно сокращается, но только они могут считаться сохранившими настоящую камчадалскую национальность.

Мало того, в Николаевском округе, далеко за пределами Камчатки, указано тоже 450 камчадалов. На деле это приморские ламуты Охотского побережья, которые в последние годы стали говорить по-русски, но называют себя камчадалами. В последние годы они причислялись к Камчатскому округу, который имел большой административный престиж.

Обращает на себя внимание также графа, относящаяся к числу говорящих по-русски. По данным переписи отмечено значительное число таких говорящих по-русски мужчин и даже женщин. Например, в кочевых хозяйствах: на 29 852 мужчин — говорящих по-русски 4995, а на 28 472 женщины — говорящих по-русски 2424, т. е. мужчин 16%, а женщин 9%.

Можно спросить, какую квалификацию в знании русского языка предполагает перепись, несколько обиходных фраз и слов, необходимых для сношений с факториями, или какое-либо более полное знание. Эти графы имеют вообще какой-то великодержавный оттенок. Для точного понимания северных условий было бы более полезно отметить, например, двуязычность, которая местами составляет общераспространенное явление. Двуязычны отчасти лопари (русский и лопарский языки), западно-камчатские ительмены (ительменский и русский языки), эскимосы (эскимосский и чукотский языки), коряки (коряцкий и чукотский языки). Эта двуязычность, разумеется, имеет мало отношения к смешанным бракам, на которые указывает предисловие к переписи, а представляет результат производственных и культурных взаимовлияний.

Также в графе „грамотность“ не указано на каком языке, на собственном или на русском, но в 1926—1927 гг. зыряне, карелы и собственно финны читали и писали на собственном языке, а не на русском.

По всем этим вопросам перепись 1897 г. имела больше чуткости и больше знаний. У Патканова указано, что чуванцы ныне почти не существуют. Оседлые чуванцы обрусели, а кочевые чуванцы говорят — „судя по переписи, на родном языке, а по полковнику Олсуфьеву, на испорченном коряцком наречии, что более правдоподобно“.

Конечно, полковник Олсуфьев, проехавший в 1895 г. с Колымы на Анадырь, не представляет никакого авторитета. Кстати, в то время, когда я видел его на Колыме, он не был полковником, а только капитаном. Также при обилии коряцких диалектов говорить об испорченном коряцком наречии довольно смешно.

Патканову было известно также и обрусение большинства камчадалов, хотя в переписи это не было отмечено. Среди коряков он указывает алюторцев и кереков, среди эскимосов три группы, существующие и поныне.

Перепись 1926—1927 гг. оставила все эти подробности вне поля своего внимания.

Впрочем, более поздняя статья одного из руководителей переписи, П. Е. Терлецкого, „Основные черты хозяйства Севера (Советский Север, 1930, 9—12)“ обнаруживает несомненное движение вперед. Явились, наконец, национальные самоназвания северных народностей. Тунгусы обратились в эвенков, ламуты — в эвенов, исчезли самоеды вместе с юраками, оседлыми и кочевыми, и вместо них появились ненцы. Другие народности, впрочем, остались в том же прежнем полуобруселом виде.

Перехожу к хозяйственным данным.

Начну с того, что похозяйственная карточка имеет 405 граф. Ответить на все эти графы не было, конечно, никакой возможности, и данные переписи даже по сводкам зияют перерывами. Более удивительно то, что в сводках появились данные, для которых в похозяйственной карточке нет соответственных категорий. Так, например, для песка на карточке указаны две категории: белый и голубой. В сводных таблицах явился еще „синяк“, т. е. недошлий песок, дешевый и малопригодный. Я склонен даже предположить, что под этой категорией как-то скрывается скупка шкурок песцовых детенышей (слепушка, норник, крестоватик), промысел которых вообще запрещен.¹

Точно также в карточке не имеется категорий морского зверя, которые указаны в таблицах и о которых я буду говорить потом. Зато другие категории морского зверя, например, белуха, указанные на карточке, выпали в таблицах.

Укажу другие пропуски, значительно более важные.

1. Оленеводство. Как в карточке, так и в таблицах указано 9 категорий оленей, во-первых, по возрасту, во-вторых, по употреблению: олени ездовые и олени гулевые. Однако, пропущена такая категория, как олени верховые. Впрочем, на похозяйственной карточке олени ездовые делятся на верховых и нартовых. Но в итогах таблиц такое разделение было, повидимому, сочтено не заслуживающим внимания, и все ездовые олени подведены под один ранжир. Между тем, верховых оленей с санными (нартовыми) отнюдь нельзя ставить на один уровень.

Верховое оленеводство имеют тунгусы и ламуты, существующие сухопутной охотой. Верховое оленеводство таежное, стада небольшие, 20—50 оленей. Тунгусские семьи и группы кочуют верхом на оленях, охотники тоже уезжают верхом на оленях на самые далекие места лесистых вершин. Без оленя нельзя промышлять. Наконец, верховой олень крупный, ездовой олень мелкий. На чукотском олене нельзя ездить верхом. Карагасский верховой олень значительно крупнее даже тунгусского. На крайнем северо-востоке в порядке междуплеменного обмена верховой олень ценится гораздо дороже ездового.

Точно также в переписи не отражены совершенно такие хозяйственные приемы, как отпуск оленей на волю в течение летнего времени. Такой отпуск свойственен остяко-самоедам, кетам и на крайнем северо-западе лопарям. Остяко-самоедский олень при этом значительно дичает и часто уходит в горы

¹ Синяка добыто 14 683, что составляет около трети всего количества дошлих песцов. В прошлом большое значение имел крестоватик. Добыча крестоватика превосходила добычу дошлиго песка. Возможно, что теперь под именем синяка идет тоже крестоватик.

вместе с дикими оленями. Важенки свободно спариваются с дикими самцами. Такой олень, в сущности, не может считаться вполне домашним. Эти различные приемы оленеводства косвенно отражаются в таблицах потери оленей у различных народностей. У лопарей потеряно 1174 оленя, а пало от болезней и зарезано дикими зверями 747 оленей. У остяко-самоедов потеряно 429 оленей, у енисейцев 96 оленей.

Относительно собак указаны три категории: ездовые, охотничьи, пастушьи. Но кроме того на всем свете есть просто собаки, которые не подходят ни под одну из этих категорий. Такие собаки есть и в Ленинграде, и в Москве, и в Берлине, и на каждом северном стойбище, в каждом поселке. Например, у оленных чукоч и оленных коряков собаки служат для жертвоприношений, для меха, который идет на опушку одежды, и также для охраны дома. Летом пастух уходит к стаду вместе с собакой, берет ее в спутники (emюol-tomгьп „товарищ для скуки“).

Однако, для охраны стада собаки эти ничуть не годятся, а скорее мешают, их приходится привязывать, чтобы они не разгоняли оленей.

Общеизвестный факт, что к востоку от Енисея на тундре и в тайге пастушьих собак нет, хотя некоторые путешественники, видя у оленных коряк, тунгусов и чукоч собак при стаде, без дальних разговоров выдают их за пастушьих. Еще любопытнее то, что за последние четверть века охотские ламуты и анадырские чукчи стали понемногу приучать своих собак к помощи пастуху при управлении стадом.

В Колымском округе и в Камчатском округе число пастушьих собак у оленных чукоч указано: 269 + 770, итого 1039. Мало того, пастушьи собаки указаны у разных других народностей северо-востока, не имеющих никакого отношения к оленеводству или к скотоводству вообще, в том числе даже в оседлых рыболовных хозяйствах Нижне-Колымской волости как русских, так и туземных (табл. III, стр. 134), — хотя нельзя себе представить, какой именно скот должны пасти эти собаки: рыбу, тюленей?

„Продукты морского зверобойного промысла“ расписаны в таблицах по следующим категориям: добыто тюленей, нерпы, лахтака, акибы и мантарки и проч. Из этих названий тюлень и нерпа имеют характер обобщающий, а лахтак, акиба и мантарка относятся к отдельным породам. Кроме того нерпа вообще есть название неопределенное и в разных местах относится к разным породам. На северном побережье нерпа означает мелкого тюленя, в Охотском море нерпа означает лахтака. Все это, конечно, ведет к путанице.

В отчете Камчатского окрревкома встречаем, однако, гораздо более грамотное и близкое к действительности перечисление промысловых пород морского зверя:

1) серая нерпа,	6) сивуч,
2) обыкновенная нерпа,	7) котик,
3) лахтак,	8) морж,
4) ларга,	9) белуха,
5) акиба,	10) кит,
	11) морской бобер.

Нет категорий „тюленей“, ибо пять первых категорий именно и есть тюлени, и есть ряд категорий, в „Итогах переписи“ пропущенных.

Нужно, разумеется, иметь специальные знания, чтобы отличить акибу от обыкновенной нерпы и лахтака от серой нерпы. В отчете Окрревкома надо было бы прибавить систематическое описание всех указанных пород. Все же „Итоги переписи“ далеко отстали от отчета Камчатского окрревкома.

В списке цен на продукты местного производства рядом с оленьими рогами, которые продаются парами, находим оленьи панты, которые продаются штуками, причем данные по этому странному продукту разбросаны весьма прихотливо и отрывочно. Например, в Березовском районе Тобольского округа штука пантов стоит 8 руб., а шкура взрослого оленя стоит 4 руб. Недоумеваю, что за оленьи панты. Пантами называются в южной Сибири и в Амурской области молодые рога изюбря (марала) и пятнистого оленя (аксиса), которые продаются в засоленном виде китайцам за весьма дорогую цену и употребляются в Китае как лекарственное средство очень высокого, полумагического свойства. Но куда могут употребляться молодые рога северного оленя в Березовском районе? Бархатную хрящевую кожу этих рогов в свежем виде припаливают и едят, за неимением лучшей закуски. Другого употребления не знаю.¹

Все-таки нельзя же из переписных карточек запихивать в таблицу все, что там есть, понятное и непонятное.

Другой пример, не менее поразительный: в Мурманском округе цена щуки дороже всех остальных рыб, 39 руб. за центнер² (6¹/₂ пуд.). Сиг стоит дешевле щуки, а именно, 37.8 руб. Пока не увижу собственными глазами, до тех пор не поверю, что где-нибудь щука продается дороже сига. Это яркий образчик механического подхода к подсчету материала.

В перечне рыб на карточке и в таблицах встречаются „сельдь“, „сельди“. Спрашивается, какая это „сельдь“? Этим именем называется на севере, во-первых, морская сельдь (*Нarengus clupea*), которая ловится в море, во-вторых, речная сельдь, „сельдьятка“, которая ловится в устьях рек и представляет мелкую породу лососей (сигов), (*Coregonus merckii* или *Coregonus albula*) родственную нашей ряпушке. Зоологические признаки, цены, хозяйственное употребление этих обеих пород рыб совершенно различны.

На карточке обозначена только одна категория: сельдь (графа № 337). В таблицах, к крайнему удивлению, есть обе категории. Среди морской рыбы указаны „сельди“, а среди речной проходной рыбы, которая ловится в реках, указана в единственном числе „сельдь“. Но данные таблиц об этих обеих категориях совершенно фантастичны. Морские сельди обозначены, с одной стороны, правильно у финнов и русских, а с другой стороны, совершенно нелепо у оседлых чуванцев, у оседлых и кочевых юкагиров, у оседлых и кочевых тунгусов, которые промышляют на деле только речную сельдьятку.

С другой стороны, речная сельдь у чуванцев и юкагиров не показана, а у тунгусов показана. А также показана у оседлых карелов, обитающих на севере Карелии. Какие речные сельди на севере Карелии, мне неизвестно.

¹ Увы, в более специальной работе Г. Н. Тарасенкова „Туруханский край“, 1930 г., по этому поводу сказано в отделе „Оленеводство“: „Рога, покрытые кожей с кровеносными сосудами, называются пантами, идущими в Китае на лекарство“ (стр. 163). Китай лучше бы туруханским работникам оставить в стороне. От Туруханска далеко до Китая.

Совершенно очевидно, что похозяйственная карточка своим легкомыслием ввела в обман и путаницу местных переписчиков. Дальше этого идти трудно.

На переписной карточке в графе № 348 обозначена „баранатка“. В таблицах баранатки я не нашел, но вместо того есть сырок (пелядка). Но все это одна и та же рыба.

Вообще, если просмотреть внимательно в карточке и на таблице списки пород рыб и промысловых зверей, можно увидеть совершенно наглядно, что лица, составлявшие карточку и обрабатывавшие таблицу, не имеют определенного понятия о том, что ими написано. Например, в таблицах „уек“ (что это такое: он, она, оно?) — стоит в ряду родительных падежей: „щуки“, „окуня“, „сороги“, „уек“, „налима“. На деле, уек — мелкая рыба, которая водится в Тихом океане и массами часто выбрасывается на берег в большом количестве морским прибоем (то же, что на Европейском Севере „мойва“ — *Mallotus villosus*). Из других указанных сортов: „голец“, омуль, красная — в разных округах — это разные породы рыб.

(Карточка требует показать добычу и продажу в штуках следующих морских зверей: морж, тюлень, нерпа. Сало моржовое, сало тюленье обозначено особо в пудах. Но моржи штуками не продаются, да и как продавать штуками больших зверей. Туземцы мясо их потребляют, а шкуры продают действительно штуками. Но для всего этого в карточках нет места).

Далее, на стр. 250 №№ 69 и 70 указаны отдельно клык моржовый и зуб моржовый, причем клык моржовый указан в пяти округах с ценностью 1 р. 83 к. за килограмм. Зуб моржовый указан в одном округе с ценностью в 0.61 р. за килограмм. Это, повидимому, не клыки, а обыкновенные зубы моржа, которые тоже идут на мелкие поделки.

Моржовый клык обозначен в килограммах, а мамонтовая кость на карточке в фунтах, на таблицах — в центнерах, причем в восточных округах цены на моржовый клык, китовый ус и мамонтовую кость совершенно одинаковы — 1 р. 83 к. за килограмм. Или, быть может, Госторг действительно платит за все эти товары по одному и тому же ранжиру? Кстати, все они такие жесткие, сухие — для чего их разбирать...

Перехожу к более подробному рассмотрению материалов, относящихся к оленеводству. Перепись много занимается определением сравнительной мощности оленьих хозяйств, однако, совершенно не затронут важнейший в этом отношении вопрос о взаимоотношении и взаимопроникновении форм натурального хозяйства и форм товарного-денежного хозяйства. Похозяйственная карточка о натуральном хозяйстве молчит. Только в графе „о кредите“ указано: задолженность натурой (что и сколько). В графе 119: „плата наемному сроковому рабочему за весь срок“ указано: деньгами, либо натурой в переводе на деньги. О том, можно ли в северных условиях успешно перечислить натуру на деньги, перепись ничуть не задумывается.

Мы имеем на севере в оленеводстве довольно типичное натуральное хозяйство, особенно на северо-востоке. Конечно, элементы товарности существуют и в отдаленнейших северовосточных районах. Они возрастают по мере движения на запад, переходя от чукоч к тунгусам, от тунгусов к самоедам, от самоедов к зырянам, от зырян к лопарям. В результате вышеуказанного севе-

ровосточное хозяйство, будучи перечислено на деньги, в своей валовой оценке и в своем валовом и чистом доходе, должно казаться значительно ниже хозяйства западного. Конечно, казаться, а не быть.

Чукотское хозяйство, примерно в тысячу оленей, в конце концов, по значимости своей равно зырянскому хозяйству тоже в тысячу оленей. Но денежная оценка и доход во втором хозяйстве гораздо выше, чем в первом.

В более поздней статье П. Е. Терлецкого, „Основные черты хозяйства Севера“ (Советский Север, 1931) он упоминает об этом различии натурального и полунатурального хозяйства раз или два, но упорно отказывается вводить его в расчет своих таблиц.

Возьмем, например, основной вопрос о размерах валового дохода.

Мне не совсем ясно, как именно счетчики П. Е. Терлецкого и сам он определяли валовой доход натурального оленного хозяйства и исчисляли его в денежной валюте. В примечании 1, стр. 62, сказано: „Под валовым доходом имеется в виду стоимость продукции оленеводства (шкур и мясо) и сумма, вырученная от продажи оленя“.

Что касается продажи оленей, то я могу указать, что в каждом оленеводческом районе, в особенности на северо-востоке, имеется несколько продажных цен. Например, у чукоч: одна для русских факторий, другая для русских соседей-поречан, третья для соседей туземцев, чужеплеменников (для чукоч и коряков таковыми являются тунгусы, юкагиры) и, наконец, четвертая — для единоплеменников, причем опять-таки для приморских чукоч одна цена, для торговцев-поворотчиков (кавгальт) другая и для соседей оленеводов из того же околотка — третья. Большая часть этих продаж имеет меновой характер, причем условия обмена, опять-таки, весьма не однородны: коробка патронов, кирпич чая в глубине тундры оцениваются вдвое дороже, чем по соседству с факторией.

Еще одна подробность. П. Е. Терлецкий занимается преимущественно наиболее важными крупными оленными хозяйствами. Однако, в крупных скотоводческих, а в данном случае оленеводческих хозяйствах натурального типа валовая продукция, т. е. естественный приплод стада, имеет тенденцию, выше известной нормы, необходимой для безбедного существования семьи, совсем не превращаться в валовой доход, а оставаться в пассивном виде, мертвым и недвижимым капиталом. Прирост стада выше известной нормы не продается и не убивается, от него не берут ни мяса, ни шкур, и он ходит на свободе, довольно бесполезно увеличивая массовость стада. Приняли ли счетчики Терлецкого в расчет эти своеобразные свойства крупных стад натурального хозяйства? Разумеется, не приняли.

Сам П. Е. Терлецкий довольно близко подошел к этим своеобразным отношениям натуральной формы хозяйства. Он, например, обещает: „Мы постараемся вскрыть экстенсивный характер и регрессивные начала, таящиеся в самой природе индивидуальных оленеводческих хозяйств, не дающие возможности интенсивного развития самого оленеводства“.

Но он не вскрыл самой природы этого явления, он подошел к нему вполне механистически.

Еще одно из глубоких расхождений. Все исчисление оленеводства в переписи произведено по семьям. Однако, для оленного хозяйства семья является

единицей скорее потребительной. Производственной единицей чаще всего является стойбище, со всеми семьями, обитающими здесь, так как каждое стойбище имеет только одно оленье стадо. В статье Терлецкого есть прямое указание на хозяйства беднейших групп оленеводов, в которых количество оленей варьирует от 20 до 150—200 оленей. Они являются хозяйствами с хронически дефицитным бюджетом. Существование их в условиях индивидуального хозяйства возможно лишь при вхождении в крупное хозяйство на основах совместного кочевания в качестве родственника, батрака, пастуха и т. д. (В других местах является совместное сочетание мелких оленьих хозяйств на различных основаниях. Я назвал эту форму оленьего хозяйства оленными колхозами натуральной формы хозяйства). К сожалению, в таблицах этот подход не отразился, иначе хозяйственные параллели и сравнения между крупными и мелкими хозяйствами получили бы совершенно иной характер. Я пытался выбрать из таблиц и скомбинировать различные данные, которые могли бы выявить расхождение форм товарных и форм натуральных, но добился только частичных результатов. Начну с основного общего вопроса, об оленьем поголовье. Каково движение северного оленьего стада: растет ли оно, или, напротив, убывает? Часть таблицы I, посвященная этому вопросу (стр. 14—15), представляет довольно трудную арифметическую задачу. Данные таблицы относятся к движению стада в течение минувшего года, но эти данные весьма разноречивы. На первом месте стоит начальная графа „Всего“ (№ 190), которая, повидимому, должна была бы считаться ведущей. Она, действительно, равняется сумме числовых данных о разных группах оленей в графах 191—200. Потом следуют данные об оленях, сданных и принятых на выпас, которые, повидимому, должны были бы взаимно погашаться да и вообще не являются значительными и, наконец, следует графа 207: „Состояло оленей к началу года“, которая почти всегда ниже графы 190 (например, по суммарному подсчету в графе первой строки: „все хозяйства севера“ — на 150 000 оленей).

Далее следуют четкие и точные графы разрядов прибыли и убыли. Они в итоге дают почти всегда определенный показатель излишка и, наконец, графа 221 „Осталось к концу года“. Она соответственно выше графы 207 „Начало года“, но в то же время ниже начальной графы 190.

Например, первая строка:

„Всего“ (190)	„К началу года“ (207)	„К концу года“ (221)
1 810 771	1 682 626	1 773 903

Впрочем, для разнообразия в следующей строке — „оседлые хозяйства“ находим следующие данные.

„Всего“ (190)	„К началу года“ (207)	„К концу года“ (221)
78 540	99 811	96 572

В этом случае убыль превышает прибыль, что отразилось на снижении третьей цифры, но почему вторая цифра выше первой на 21 271 оленей? Здесь, повидимому, соединены вместе без всяких отметок две отдельные таблицы.

Остановимся на последней цифре таблицы (№ 221), которая указана как окончательная.

Общее количество оленей в СССР 1 773 993. Эта цифра вообще преуменьшена.

Так, С. Керцелли принимает, что даже по данным переписи число оленей в республике определилось в 2 265 000 гол. В настоящее время, по его мнению, у нас около 3 миллионов оленей (Советская Азия, книга 1—2, 1931 г., С. Керцелли, „Оленеводство в СССР и его перспективы“, стр. 27).

Приведу несколько более подробных подсчетов.

Чукчи кочевые: число оленных хозяйств 1527, поголовье 530 508, прибыло 237 106, убыло 177 818, к концу года прибыло 59 237, все поголовье (по графе 221) 589 793. Прирост стада за год 11%.

Коряки кочевые: число оленных хозяйств 378, поголовье 121 516, прибыло 57 427, убыло 42 423, прибыло к концу года 15 004, поголовье к концу года 136 636. Прирост стада 12.5%.

Самоеды кочевые: число оленных хозяйств 2194, поголовье 428 964, прибыло 152 879, убыло 142 001, прибыло к концу года 10 878, поголовье к концу года 439 842. Прирост стада 2.4%.

Тунгусы кочевые: число оленных хозяйств 2708, поголовье 128 192, прибыло 40 051, убыло 43 915, к концу года убыло 3864, к концу года поголовье 124 328. Убыль 2%.

Зыряне кочевые: число оленных хозяйств 410, поголовье 158 718, прибыло 62 804, убыло 53 558, к концу года прибыло 9246, поголовье к концу года 167 964. Процент прироста 5.8%.

Лопари кочевые: число оленных хозяйств 277, поголовье 18 900, прибыло 5773, убыло 4502, к концу года прибыло 1271, к концу года поголовье — 20 468. Процент прироста 6.7%.

Получаем первый действительно важный вывод. Северовосточное оленеводство, чукотское и в особенности коряцкое, по проценту своего годовичного возрастания значительно выше всех других видов оленеводства, не исключая даже много восхваленного зырянского. Мы увидим в дальнейшем подтверждение этого вывода совокупностью самых различных данных¹.

С другой стороны, общая сумма продукции оленеводства для чукотского хозяйства указана сравнительно низкою.

Продукция оленеводства.

	Всего	Продано
Все хозяйства Севера	3 587 481	633 168
Кочевые хозяйства	3 301 826	588 678
Чукчи кочевые	650 212	89 636
Коряки „	136 469	4 518
Самоеды „	998 687	228 228
Тунгусы „	451 291	13 421
Зыряне „	477 253	202 273
Лопари „	55 234	15 810

¹ В другом месте, впрочем, находим указание, что для тобольского Севера условия наблюдаемого года были весьма неблагоприятны и дали отрицательный прирост и, наоборот, условия в Камчатском округе были относительно благоприятны. Это не колеблет сравнения Камчатского округа с другими округами.

Мы видим, что общая валовая продукция чукотского оленеводства в полтора раза меньше самоедской продукции, хотя чукотское поголовье выше самоедского. В общем у чукок приходится на одного живого оленя немного больше одного рубля продукции. У коряков даже меньше одного рубля. У самоедов на одного живого оленя приходится более двух рублей продукции. У тунгусов на одного живого оленя приходится три с половиной рубля продукции. У зырян на одного живого оленя приходится два с половиной рубля продукции. У лопарей на одного живого оленя — три рубля продукции¹. Выше всего относительно продукция тунгусского оленеводства, хотя поголовье тунгусского стада уменьшается. Это объясняется тем, что при размельченности тунгусского оленеводства хозяин выжимает из своего небольшого стада относительно больше продукции ценою его уменьшения. Ниже всего продукция коряцкая, к ней приближается продукция чукотская.

Как надо понимать эти цифры? Продукция оленеводства есть явление более или менее постоянное в одинаковых хозяйственных условиях русского севера и не может подвергаться таким сильным колебаниям. Но оценка ее в переводе на деньги в натуральном хозяйстве северо-востока значительно ниже, чем оценка продукции в полутоварном хозяйстве северо-запада.

В связи с этим совершенно понятно, что проданная часть оленей продукции у чукок составляет только 13% всей суммы, у коряков даже 3%, у тунгусов 2 $\frac{1}{2}$ % (тунгусы по своей малооленности сами покупают продукцию оленевого хозяйства). У самоедов проданная часть составляет 22%, а у зырян 42%, у лопарей 26%. Хозяйства натурального типа продают на деньги мало. Впрочем, нужно принять во внимание и другую продажу, в формах товарного обмена, которая имеет значительные размеры, но, очевидно, ускользнула от внимания полевых счетчиков.

Я пытался установить денежную ценность продукции оленевого хозяйства по другим данным, например, по таблицам справочных цен (приложение 2, стр. 232). Однако, часть этих данных имеет совершенно фантастический характер. Например:

	Мурманск. окр.	Арханг. губ.	Тобольск. окр.	Турухан. край.	Киренск. окр.	Колымск. окр.	Камчатск. окр.
Продажная цена взрослого оленя (руб.)	28	13	21	41	43	51	59

В частности, в отдельных районах Камчатского округа цена на оленя указана значительно выше. В Анадырском районе 70 р. и в Чукотском районе 80 р. Я считаю эти данные не только фантастическими, но даже ироническими, и никак не могу поверить, что взрослый олень, который в Архангельской губ. стоит 13 р., в Чукотском районе Камчатского округа доходит до 80 р.

Возможно, что на Чукотской культбазе или в одной из факторий Чукотского района служащие покупают для собственных нужд тушу или две оленьего мяса

¹ С этим совпадает и определение В. К. Алымова: 3 рубля на наличного оленя. Мурманское Общество краеведения. Доклады и сообщения, вып. II, Мурманск, 1928 г., „Оленеводство Мурманского округа“, стр. 45.

даже и по такой цене. Но ведь такие покупки не могут быть многочисленны. Главная продажа и покупка оленей идет по линии обмена между разными группами оленных чукоч, между оленными чукчами и приморскими чукчами и эскимосами и, наконец, между оленными чукчами и местными русскими или обруселыми жителями.

Каждая из указанных групп имеет особую цену на продажного оленя, но все эти цены несравненно ниже справочной цены, указанной в таблице.

Я пытался также установить продажную цену оленя в разных округах по другим суммарным данным, указанным в таблице I, стр. 15, графа 212—213, и в других таблицах и получил следующие цифры:

	Продано	На руб.	По цене
В Камчатск. округе оленей	22 131	188 990	8 р. 50 к.
В частности {	у чукоч „	12 605	124 983
	у коряков „	7 679	48 709
			10 6 р. 35 к.

Эти цены в 6 и 8 раз ниже вышеуказанных справочных цен.

	Продано	На руб.	По цене (руб.)
В Тобольск. окр. оленей	14 392	289 438	20
У самоедов в частности	7 702	168 114	22
В Архангельск. губ.	629	7 542	12
В Мурманском окр.	477	10 791	22

Цены на живых оленей, выведенные таким образом, повсюду весьма отклоняются от фантастических справочных цен, но все же расхождение чукотских цен с действительными значительно превышает все остальные несообразности.

Русские фактории специализировались, по преимуществу, на покупке оленьего шкурья, шкур взрослых оленей и пыжиков, камасов (лап) и т. п. Я считаю справочные цены на эти предметы более или менее надежными.

Из сравнения справочных цен получаем:

	Мурманск. окр.	Арханг. губ.	Тобольск. окр.	Туруханск. край	Киренск. окр.	Колымск. край	Камчатск. окр.
Шкура взрослого оленя	5.40	3.40	3.20	5.10	7.0	4.0	0.78
Камасы (пара)	1.50—3	1.31	1.77	3.10	1.38	—	0.61, (4 шт.)

Эти данные свидетельствуют с большой несомненностью, что в 1926—1927 гг. оленья шкурья в Камчатском окр. скупалось за бесценок, что, очевидно, соответствовало, с одной стороны, стихийному росту оленьего хозяйства, а с другой стороны, его натуральному типу.¹

¹ Кстати сказать, эти, ни с чем не сообразные, камчатские цены на оленья шкурья наносили и наносят урон правильному развитию оленьего хозяйства, в особенности его товарной части. Туземцы, разумеется, горько жаловались на эти цены, а также и на то, что Госторг вывозил за границу шкуры морского зверя, закупленные у приморских жителей, и не оставлял подошвенных шкур (лахтанных, моржовых) для местного потребления. Русские торговые фактории, несмотря на свои далеко простертые щупальцы, до сих пор не могут побороть чукотских торговцев-поворотчиков, которые постоянно вращаются между приморскими поселками и „внутренними“ оленными стойбищами, обменивая лахтанные подошвы, моржовые ремни и тюленью ворвань на оленья шкурья и готовую одежду из оленины.

Перехожу к материалам, посвященным классовому расслоению северных народностей. Перепись дает в этом отношении, во-первых, серию таблиц IV — IX с групповыми итогами разделения хозяйства по их основному признаку: оленеводство, охота, рыболовство, морской зверобойный промысел, сельское хозяйство и т. д.

Эти групповые таблицы переписи, в свою очередь, делятся на шесть категорий по размерам валового дохода от 100 до 2500 руб. и с добавочным разделением на две большие серии: хозяйства без найма и хозяйства с наймом.

Рядом с этим, в частности, оленные хозяйства распределены по числу оленей тоже на 12 категорий, от № 178 — до 10 голов до № 189 — более 10 000.

Данные о найме рабочей силы сгруппированы в двух направлениях.

На табл. 1, стр. 3, определяется число работников по найму среди различных народностей севера. В той же табл. 1, стр. 4, этот вопрос трактуется уже с точки зрения нанимателей. Хозяйства таких-то народностей, в таком-то числе, имеют столько-то наемных рабочих. В общем по столько-то, в среднем, рабочих на хозяйство.¹

Групповые таблицы переписи представляют материал в высшей степени важный. К сожалению, они отступают от основного принципа переписи, ибо групповое исчисление дано уже не по народностям, а только по округам.

Кроме того, расчисление по доходности в 12 категориях не согласовано с расчислением по количеству оленей в хозяйствах, тоже в 12 категориях.

Распределение хозяйств по числу оленей показано в итогах переписи с большой четкостью. Эта таблица представляет один из сравнительно немногих счастливых оазисов.

Таблицы устанавливают, как указано выше, 12 категорий хозяйств, начиная от хозяйств меньше 10 оленей и кончая хозяйствами, имеющими более 10 000. Из сравнения указанных данных, мы видим, что такие огромные хозяйства имеются только у чукоч — 2 хозяйства и у коряков — 1 хозяйство. Из хозяйств, имеющих 5—10 тыс., у чукоч имеется 5 хозяйств, а у всех остальных тоже 5 хозяйств. Из хозяйств, имеющих 3—5 тыс., у чукоч имеется 18 хозяйств, а у всех остальных 15 хозяйств. Из хозяйств, имеющих 2—3 тыс., у чукоч имеется 36 хозяйств, а у всех остальных 27 хозяйств. Из хозяйств, имеющих 1000—2000, у чукоч с коряками имеется 114, а у всех остальных 108.

Таким образом мы видим, что количество наиболее укрупненных чукотских стад, отчасти вместе с коряками, далеко превосходит количество таких же стад у всех других оленеводов, взятых вместе. Только, когда мы спускаемся от богачей к середнякам, имеющим 501—1 тыс. стад и 251—500 оленей, чукотское оленеводство начинает выравниваться с оленеводством других народов. По первой из указанных категорий у чукоч 125, у коряков 39, а у всех осталь-

¹ О зарплате батраков нет никаких данных. А между тем батрак совершенно определенная социальная фигура даже и в натуральном хозяйстве, хотя он получает зарплату не деньгами, а живыми и битыми оленями, мясом, шкурами, также продуктами, купленными от русских: чаем, табаком и т. д. Северное оленеводство изобилует батраками. Они часто (но далеко не всегда) являются дальними родственниками своих хозяев. Но это явление весьма распространенное даже в высших социальных формациях, например, в раннем капиталистическом обществе.

ных 232 стада. По второй категории у чукоч 191, у коряков 49, а у остальных 454 стада.

145 чукотских хозяйств владеют 350 500 оленями. т. е. больше половины оленьего стада; на каждое стадо приходится 2400 оленей. Это есть головка, аристократия, так называемые феодалы чукотского оленеводства. У коряков на 36 хозяйств приходится 74 500 оленей, а у самоедов на 78 хозяйств 160 000 оленей. Средний размер стада у богатых коряков и у самоедов превышает 2 тысячи и приближается к чукотскому. Удельный вес этой головки у коряков тоже составляет больше половины поголовья, но у самоедов только третью часть.

Рост чукотского стада является особенно поразительным, если сравнить его с ежегодными, как бы нормальными потерями, а в сущности глубоко ненормальными, так как при сколько-нибудь рациональном ведении оленеводства они могли бы быть устранены или, во всяком случае, сведены к минимуму. Ежегодное потребление оленей 48 485, безвозмездная отдача 19 039. Убыло от бескормицы, болезней, нападения диких зверей и разных причин 97 208, вдвое больше ежегодного потребления всего племени. Одни только потери от болезней — 54 805 — сами по себе превышают общую сумму потребления. Число хозяйств с оленями 1527, на каждое хозяйство приходится потребление в $32\frac{1}{2}$ оленя в год. Эта цифра, повидимому, ниже действительной нормы.

Преобладание крупного хозяйства над мелким среди северных оленеводов, при ярко выраженном классовом расслоении, было отмечено многими исследователями.

Так, в известной статье Ан. Скачко „Классовое расслоение, меры борьбы с кулачеством и коллективизация“ (Советский Север, 1930, 2) на основании тех же материалов Приполярной переписи 1926—1927 гг. составлена следующая таблица:

0/0 кочевых хозяйств	Оленей в хозяйстве	0/0 поголовья
5.5	Нет	Нет
81.0	Меньше чем по 250	25.8
10.3	От 250 до 1000	31.5
3.2	От 1000 и более	31.5
0/0 оседлых хозяйств	Оленей на хозяйство	0/0 поголовья
74.6	Нет	Нет
14.9	От 1 до 10	
9.4	От 10 до 100	
1.1	От 100 до 3000	

(выше 1000 имеют всего 3 хозяйства)

„Абсолютное количество зажиточных и кулацких хозяйств даже у кочевых весьма незначительно: свыше 500 оленей имеют всего 906 хозяйств, свыше 1000—362 хозяйства, а свыше 5000 — только 12 хозяйств. Но относительное значение их очень велико, ибо они владеют 42.7% всех оленей.“

Я попытался продолжить эту таблицу и определить укрупнение и классовое расслоение оленьего хозяйства для каждой народности и для каждого округа особо.

Коряки. Ежегодное потребление оленей 21 312. Отдано безвозмездно 1745 оленей. При общем числе хозяйств 378 приходится по 56 убойных оленей

на одно хозяйство, что весьма приближается к цифре нормального потребления — 1 олень в неделю на одну семью. Потери коряцкого оленеводства 11 687 являются, напротив, весьма незначительными. Быть может, есть какая-нибудь путаница в цифрах, или год для коряков был исключительный (ср. выше).

Самоеды. Потребление 56 883, отдано безвозмездно 3823. При 2194 хозяйствах приходится по 26 убойных оленей на хозяйство, норма потребления ниже указанной для чукок. Оленьё мясо составляет, очевидно, только половину общего питания. Цифра потерь тоже очень высока, но все же относительно ниже чем у чукок.

Зыряне кочевые. Потребление 25 302, отдано безвозмездно 238. При 410 хозяйствах приходится по 62 убойных оленя на хозяйство. Норма потребления выше нормальной. Это объясняется тем, что, как мы видели выше, зыряне продают битых оленей и оленьё мясо, и сумма продажи не выделена из суммы потребления. Норма потерь все-таки несколько меньше нормы потребления.

Тунгусы. Потребление 18 594, отдано безвозмездно 3040. При общем числе хозяйств 2708 приходится на хозяйство по $8\frac{1}{2}$ убойных оленей. Тунгусы, как известно, питаются, главным образом, мясом убитых зверей, а мясо домашних оленей является дополнительным. Потери 18 332 являются сравнительно очень низкими, все-таки выше коряцких абсолютно и относительно.

Впрочем, в графе „потребление“ (зарезано столько то) обращает на себя внимание резкое расхождение в цифрах между бедными и богатыми оленеводами. В интересующем нас Камчатском округе: 1-я категория без найма 113 хозяйств, зарезано 490 оленей, т. е. по $4\frac{1}{2}$ оленя на хозяйство. В 6-й категории без найма на 28 хозяйств зарезано 2519 оленей, т. е. 89 оленей на хозяйство. Наконец, в 6-й категории с наймом на 42 хозяйства зарезано 13 491 олень, или по 321 оленю на хозяйство.

Различие поразительное, причем последняя цифра конечно включает в себя, кроме потребительной нормы, значительное количество оленьих туш, назначенных для продажи (обмена).

Мы имеем в этой последней категории (шестая категория с наймом) богатейших оленьих хозяйств следующие данные: прирост стада за год 10 717. Зарезано для потребления и продажи 13 491, отдано безвозмездно 11 225 и продано 4 271 олень. В общем, это составляет 39 704 полезно примененных, т. е. сохранившихся в живом виде оленей годовичного приплода.

Различных потерь 24 960, сумма все-таки меньшая, чем число полезно примененных животных.

Обращает на себя внимание замечательная графа „отдано безвозмездно“.

У чукок	У коряков	У самоедов	У тунгусов	У зырян	У лопарей
19 039	1745	3823	3040	238	0
Приходится на одно хозяйство:					
$12\frac{1}{2}$	4	$1\frac{1}{4}$	1	$\frac{1}{2}$	0

Эти „безвозмездно отданные“ олени раздаются у чукоч и у коряков, например, на больших оленных праздниках, также даются в виде помощи обедневшим родственникам, порою довольно далеким, а нередко просто соседям-одноплеменникам. Наконец, во время голодовок известное количество оленей отдается безвозмездно даже чужеплеменникам: русским, поречанам, тунгусам ламутам, юкагирам.

Мы видим, что по мере продвижения с востока на запад, эта графа убывает абсолютно и относительно. Так, у тунгусов и самоедов она в общем все же составляет по несколько тысяч, хотя на одно хозяйство приходится только $1\frac{3}{4}$ —1, а у зырян безвозмездной раздачи приходится по $\frac{1}{2}$ оленя на хозяйство, у лопарей она совершенно исчезает. В общем, эту категорию расходования живых оленей нужно характеризовать как остаток древнейшего коммунистического подхода, который у чукоч и коряков еще довольно явственен, а по мере продвижения на запад уменьшается и, наконец, исчезает.

Конечно, в последние десятилетия, по мере разложения раннего родового быта, безвозмездная раздача оленей изменялась не только количественно, но и качественно. У западных оленеводов она превратилась в особый вид займа, у восточных она служила и служит для увеличения престижа и влияния богатого оленевода. В конце концов, даже у чукоч богатый оленевод, раздавший на праздники своим родственникам и соседям сотню оленьих туш, успевает так или иначе выручить от этих благодетельствованных им бедняков двойную и тройную стоимость подарка.

Если сопоставить распределение хозяйств по числу оленей с распределением хозяйств по размерам валового дохода, получается тоже указание на сравнительную укрупненность и малую товарную производительность чукотско-коряцкого оленеводства.

Я указывал выше, что произвести такое сопоставление не весьма легко, ибо групповые таблицы отступили от основного принципа переписи и ведут исчисление уже не по народностям, а по территориальным округам.

Таким образом, такое сопоставление можно сделать лишь с некоторым приближением:

Округ	Число кочевых хозяйств с преобладанием оленеводства	Число оленей	На хозяйство оленей
Камчатский окр.	1 160	621 658	536
Туруханский край	223	80 049	314
Тобольский окр.	643	200 758	312
Мурманский окр.	85	12 901	150

Валовые категории без найма

1-я валовая категория (доход от 1 до 100 руб.)

Округ	Число хозяйств	Число оленей	На хозяйство оленей
Камчатский окр.	113	3 933	35
Туруханский край	12	248	20
Тобольский окр.	10	225	22.5
Мурманский окр.	—	—	—

2-я валовая категория (доход от 101 до 250 руб.)

Округ	Число хозяйств	Число оленей	На хозяйство оленей
Камчатский окр.	212	20 921	100
Туруханский край	17	491	29
Тобольский окр.	41	1 999	50
Мурманский окр.	13	431	33

3-я валовая категория (доход 251—500 руб.)

Округ	Число хозяйств	Число оленей	На хозяйство оленей
Камчатский окр.	229	47 122	200
Туруханский край	36	1 250	35
Тобольский окр.	114	8 763	79
Мурманский окр.	15	1 170	71

Из сравнения этих данных мы видим, что для бедняцко-средняцкой группы чукотско-коряцкие стада Камчатского округа несомненно крупнее тунгусско-самоедско-зырянско-лопарских стад Туруханского края и Тобольского и Мурманского округов, но при этом они дают сравнительно меньше валового дохода. Так, по 2-й категории: 100 оленей Камчатского края дают такой же валовой доход, что и 29 оленей Туруханского края, 41 олень Тобольского округа и 31 олень Мурманского округа.

Перехожу к анализу таблиц, посвященных групповым категориям кулацкого типа.

Начну с того, что я считаю по существу совершенно неправильным метод уравнивания хозяйств без найма и хозяйств с наймом в одной и той же категории по признаку валового дохода. Эта уравниловка вместо того, чтобы подчеркивать различие хозяйств безнаемных и наемных, выдвигает их сходство, неизбежно искривляя всю социальную и хозяйственную лестницу. Результат такого искривления сказывается во многих групповых таблицах итогов переписи. Особенно ни с чем не сообразно то, что для самой богатой головки хозяйств нет даже особой категории, и она просто включена в категорию „VI—2501 руб. и выше“.

В вышеупомянутой статье Терлецкого этот метод получил весьма яркое выражение и привел его к совершенно рискованному утверждению.

„Из таблицы усматривается, что при одном и том же размере валового дохода в хозяйствах с наймом рабочей силы количество оленей вдвое, даже втрое больше, чем в хозяйствах без найма. Сам собою напрашивается вывод о меньшей рентабельности хозяйств с наймом рабочей силы“.

Суждение, я сказал бы, довольно хладнокровное: тройное количество оленей с наймом излишней рабочей силы приносит, будто бы, столько же валового дохода, сколько количество втрое меньшее и вдобавок меньше обеспеченное рабочей силой.

Мы имеем в таблицах и соответственный пример.

В камчатском округе, в хозяйствах без найма, по 2-й валовой категории, на хозяйство приходится почти сто оленей. Рядом с этим в хозяйствах с наемным трудом по той же 2-й категории (имеется 15 хозяйств, в них оленей 4626)

на одно хозяйство приходится 300 оленей и наемных рабочих на хозяйство два.

Каким образом хозяйство в сто оленей, не применяющее наемного труда, может иметь одинаковый валовой доход с хозяйством в 300 оленей и с двумя наемными рабочими? Очевидно, в этой уравниловке есть какое-то недоразумение.

Вышеуказанные несообразности настолько очевидны, что они не ускользнули от внимания П. Е. Терлецкого. В другом месте той же статьи он говорит:

„Было бы неправильным полагать, что этими размерами ограничивается количество эксплуатирующих хозяйств. Как мы уже указывали, перепись не учла так называемого скрытого найма, скрытой эксплуатации труда. Между тем, одно указание на наличие хозяйства с общим количеством душ от 7 до 10 — в 25.2% и свыше 10 душ — 6.8% определенно говорит за то, что здесь мы несомненно имеем дело со скрытой эксплуатацией, выражающейся в весьма разнообразных формах — использование труда родственников и их семьи, разного рода отработки — за калым, продукты, оленей и т. п., и т. п.

В другом месте он даже прямо предлагает: „хозяйство с валовым доходом свыше 2500 руб., хотя бы и без найма рабочих, и хозяйство с наймом при доходе свыше 1000 руб. считать кулацким хозяйством, где размеры явной и скрытой эксплуатации особенно ощущаются“.

К сожалению, он оставляет в стороне свое собственное предложение. Если бы он применил его на деле, он мог бы крупные хозяйства обеих категорий соединить вместе, исчисляя, с одной стороны, поголовье стада, а с другой стороны, размеры рабочей силы, принадлежащей к собственной семье хозяина, скрыто-наемной и явно-наемной.

Я должен сказать, что некоторые ошибки Терлецкого, повидимому, вытекают из слишком большого доверия к статистическим данным, карточкам, отчетам таблиц и т. д. Я же не скрою, что к данным таблиц, вообще, отношусь не с полным доверием; встречая какой-нибудь статистический трюк, я спрашиваю: „да полно, так ли это?“ Терлецкий от таких сомнений чрезвычайно далек.

В особенности, таблицы групповых категории изобилуют странностями и несуразностями.

Например, стр. 149 — оседлые хозяйства Якутской ССР, графа 65-я — хозяйства без найма: 1-я категория 6 хозяйств, в них 24 оленя, стало быть, по 4 оленя на хозяйство. Каким образом такие хозяйства могут считаться хозяйствами с преобладанием оленеводства. Эти хозяйства, очевидно, занимаются рыболовством и охотой, в них преобладает то или другое, но уж никак не оленеводство.

В Нижнеколымской волости во всех оседлых хозяйствах, русских и туземных, указан только один наемный работник сроковый и один сдельный. Могу засвидетельствовать, что в оседлых хозяйствах Нижней Колымы классовое расслоение имеет весьма определенное место. Каждая статья, описывающая жизнь Колымы прежде и теперь, свидетельствует об этом с достаточной яркостью (например, статья Е. Кавелина „В стране анекалин и чуача“, Советский Север, 1931 г., 7—8).

Проверяя таблицы, постоянно наталкиваешься на факты чрезвычайно сомнительные. Яркий пример: Якутская АССР. Перепись включает Булунский, Верхоянский и Колымский округа. В оленеводстве, как известно, Колымский округ стоит далеко впереди двух других округов.

Мы имеем для распределения оленей, в связи с распределением валового дохода, следующую таблицу:

Число оленей на одно хозяйство

Валовые категории	Без найма	С наймом
I	30	нет
II	40	нет
III	50	нет
IV	110	72
V	300	148
VI	2200	240

Хозяйств с наймом указано до чрезвычайности мало, всего 13, и в них оленей 2402, примерно столько, сколько в одном хозяйстве VI категории без найма.

Любопытно указать, что именно в Колымском округе показаны особенно крупные чукотские стада:

2 стада более чем по 10 000	
3 „ от 5000 до 10 000	13 стад от 1000 до 2000
6 „ „ 3000 „ 5000	
3 „ „ 2000 „ 3000	14 „ „ 500 „ 1000

В общем итоге 45 хозяйств этой жирной категории имеют 98 998 оленей, т. е. по 2 200 оленей на хозяйство, и все это, заметьте, без всякого наемного труда.

Как получились такие поразительные факты? Очень просто. Оленные чукчи Колымского округа показаны не имеющими ни одного батрака. Оленеводческие хозяйства с батрацким трудом показаны ламутские, тунгусско-якутские.

При таких подсчетах можно доказать, что угодно.

Я могу, со своей стороны, засвидетельствовать, что еще 30 лет назад в крупных чукотских стадах на Колыме было соответственное количество батраков, и я неоднократно сам видел, как низенький ростом хозяин Эттыгин бил арканом по лицу долговязого пастуха Рольтыыргина за то, что у него потерялись олени, и все подскакивал повыше и все норовил угодить костяным кольцом аркана прямо по носу.

С другой стороны, крупнейшие стада, указанные в таком обилии в пределах Колымского округа, наводят меня на некоторые сомнения. В мое время таких крупных стад у колымских чукоч не было. И с той поры, сколько я знаю, именно колымское оленеводство совсем не развивалось. Развивалось и росло оленеводство восточное Камчатского округа.

Вот и поди, разберись между этими двумя уклонами, совершенно различными и одинаково недостоверными.

Я позволил себе сгруппировать материалы, относящиеся к Колымскому округу, в особую таблицу, как яркий образец недостоверности:

Свыше	Распределение		олений	по хозяйствам:		
	10 000	5000—10000		3000—5000	2000—3000	1000—2000
Чукчи кочевые, число крупнейших хозяйств	2	3	6	3	13	14

Итого 45 хозяйств 98 998 оленей, по 2 200 оленей на хозяйство.

Распределение наемных рабочих:

Чукчи кочевые	Число хозяйств с наемными рабочими.	Срочных рабочих	Поденных рабочих	Нанято дней
	2	нет	2	250

Якутская АССР (Булунский, Верхоянский и Колымский округи).

Всего оленей 155 773

В Колымском округе 130 453

Распределение наемных рабочих в кочевых оленных хозяйствах ЯАССР

	Число хозяйств	Число оленей	Мужчин работников	Батраков	Оленей на одно хозяйство
Без найма всех категорий	421	153 059	613	—	360
В том числе высшей VI категории	45	98 998	92	—	2 200
С наймом всех категорий	13	2 402	27	19	180

Также и в таблицах Туруханского края IV категория с наймом состоит из одного хозяйства, которое имеет 23 оленя. Следующая категория (V с наймом) имеет 19 стад — 7582 оленя, и по 394 оленя на хозяйство.

Ясно, что загадочное единственное стадо IV категорий с наймом имеет какие-то особые свойства, которые тоже способны взорвать все подсчеты.

Вышеприведенная таблица 2-й валовой категории, относящаяся к Камчатскому округу, в более полном виде, гласит:

Без найма: 212 хозяйств, число оленей 20 921, на хозяйство менее ста оленей; с наймом 15 хозяйств, число оленей 4.626, на хозяйство более 300 оленей. Наем рабочей силы 34 человека, более, чем 2 батрака на хозяйство.

Эта таблица, повидимому, должна служить иллюстрацией другого утверждения Терлецкого, что более крупные хозяйства с наемным трудом приносят такой же, или меньший доход, чем хозяйства значительно меньшего размера и без наемного труда.

Однако, рассматривая внимательно другие данные этой обширной таблицы, наталкиваешься на некоторые странности, например: те же 15 стад II категории с наймом зарезали для собственного потребления 185 оленей, т. е. по 12 оленей на хозяйство. Количество, явно недостаточное для пропитания семьи. Продано 12 оленей — меньше, чем по оленю на хозяйство.

Приплод 1783 оленя превышает убыль 1638 оленей на 145 оленей, т. е. по 10 оленей на хозяйство. С этой категорией, очевидно, обстоит неблаго-

получно,—но может быть не столько с самими хозяйствами, сколько с цифрами, попавшими в таблицы.

Другой пример: в Архангельской губ. V категория без найма: 63 стада — 12569 оленей, т. е. по 199 оленей на одно хозяйство. Тут же V категория с наймом: 18 хозяйств — 7281 оленей, по 405 на хозяйство и 2 наемных работника. Мы имеем, таким образом, одинаковый валовой доход двух категорий оленных хозяйств, притом не особенно крупных, скорее средняцких размеров, причем хозяйств с наймом все же вдвое больше хозяйств без найма. Говорить о регрессивных началах, таящихся в природе крупного оленьего стада, как делает Терлецкий, в данном случае не приходится, так как стада не особенно крупные. Вероятно, есть другие причины, переписью не учтенные.

Вообще уравниловка дохода хозяйств безнаемных и наемных по всем шести категориям кажется странной и нередко не вполне понятной. Так, в первом же по счету Мурманском округе в оседлых хозяйствах: без найма категории II, IV, V, VI, с наймом IV, V, VI, то же и в кочевых: без найма II, III, IV, V и с наймом III, IV, V. Последней, VI категории, нет ни без найма, ни с наймом. Самая высокая VI категория встречается с наймом и без найма в Архангельской губ., в области Коми, в Тобольском округе, в Туруханском крае, в Якутской АССР, в Камчатском округе, в Николаевском округе. Выходит, как будто эксплуатация наемного труда не имеет особого отношения к повышению доходности хозяйств.

Если такая уравниловка действительно существует, то, конечно, VI категорию следовало рассечь на новые разряды, а не устанавливать ее так: 2501 руб. дохода и выше — определение в высшей степени неопределенное.

Впрочем, попробуем проанализировать ряд цифр несколько более внимательно.

В Камчатском округе:

VI категория:							
	Число хоз-в.	Всего насел.	На одно хоз-во	Мужчин раб. возр. всего	На одно хоз-во	Оленей	На одно хоз-во
Без найма	28	313	11	67	2 $\frac{1}{3}$	43054	1538
С наймом	42	530	12 $\frac{1}{2}$	121	3	143222	3410
V категория:							
Без найма	94	1074	11 $\frac{1}{2}$	245	2 $\frac{3}{4}$	63877	679
С наймом	106	1300	12 $\frac{3}{4}$	315	3	138117	1303
Наем раб. силы V кат.	342	на хозяйство батраков — 3					
VI „	194	„	„	„	— 4 $\frac{1}{2}$		

Сравнивая эти две группы хозяйств, дающих один и тот же валовой доход, мы натываемся на ряд недоразумений. В наемных хозяйствах V категории взрослых мужчин на хозяйство 3, батраков тоже 3. VI категория мужчин на хозяйство 3, наемных рабочих 4 $\frac{1}{2}$. Таким образом, рабочая сила крупных хозяйств, применяющих наем, больше чем вдвое выше рабочей силы хозяйств безнаемных. Также и оленье поголовье хозяйств, применяющих наем, более

чем вдвое выше поголовья хозяйств безнаемных. Каким образом эти различные категории хозяйств могут иметь один и тот же валовой доход?

Вопрос о женских занятиях и промыслах поставлен в таблицах довольно широко, на 12 графах. Нас интересует ближе всего графа „оленоводство“. Каково участие женщин в пастьбе оленьего стада, в своем собственном хозяйстве и в чужом, у богатого оленевода.

Народности	Занятых в оленеводстве		‰ женщин к мужчинам
	мужчин	женщин	
Чукчи	2390	529	22
Коряки	1100	100	9
Самоеды	3663	2084	58
Зыряне	873	616	70
Тунгусы	3 661	320	8.5

Мы видим, таким образом, что женская работа при стаде в самоедско-зырянском хозяйстве несравненно интенсивнее, чем в чукотско-коряцком. Напротив, в тунгусском оленеводстве участие женщин сравнительно меньше всего. Это, быть может, объясняется тем, что при большой подвижности тунгусского образа жизни, при постоянных кочевках тунгусов, женщины имеют слишком много работы при чуме и кочевом караване.

Можно думать, что „работа при собственном оленем хозяйстве“ для женщин означает именно участие в пастьбе, ибо в других работах, таких как сдирание шкур, выделка замши и прочее, участвуют поголовно все 100% женщин.

С другой стороны, женщина работает при стаде не столь интенсивно, как мужчина. Она выходит не каждую ночь, раньше уходит обратно на стойбище, хотя на карточке это, разумеется, не учтено. Женский труд все же имеет, очевидно, весьма определенное значение. Впрочем, я затруднился принять его в расчет при неопределенности его коэффициента, и должен был произвести расчисление пастухов и оленей только для одних мужчин.

Таким образом, нужно помнить, что число оленей, приходящихся на одного пастуха, у самоедов и зырян должно быть преуменьшено сравнительно с коряками и чукчами, а еще более с тунгусами, так как самоедским и зырянским пастухам деятельно помогает женщина.

Данные относительно наемного труда женщин чересчур разноразличны. Во-первых, трудно предполагать, чтоб женщина нанималась на чужое хозяйство в качестве оленевода-пастуха, разве в исключительных случаях. Она нанимается для работы при кочевке, для домашней уборки и т. д.

При этом мы имеем, например, у самоедов-оленеводов 40 наемных женщин, у коряков 63, а у чукоч только 14 и у зырян 8 — совершенный разброд и ничего общего с предыдущими отношениями цифр. В сущности, женский наемный труд в оленем хозяйстве только с трудом можно причислить к общему наемному труду и его лучше всего оставлять в стороне.

Перейду к исчислению наемных рабочих у каждой народности, как оно указано в таблице. Сравнивая „число рабочих по найму“ с „числом рабочих, нанятых богатыми хозяйствами“, видим определенное различие, ибо обе эти таблицы стоят, можно сказать, на разных сторонах социальной баррикады. В результате получается: у зырян кочевых — одноплеменников, работающих по найму,

всего 72, а общее число рабочих, нанятых зырянами, 184. Более половины, очевидно, являются чужеплеменниками, вероятнее всего самоедами. У самоедов, наоборот, число рабочих по найму преобладает над числом нанятых ими рабочих на 31. Тунгусов работает по найму 90, женщин 12, а нанимают тунгусы 79. Также у тунгусов и число нанимающихся рабочих превышает число рабочих, нанятых самими тунгусами, — 23. Число лопарей, работающих по найму, 121, число рабочих, нанятых самими лопарями, — 35. Очевидно, две трети лопарей работают вне оленного хозяйства, вероятно на постройках и лесозаготовках.

У оленных чукоч рабочих по найму 511, а число рабочих, нанятых ими самими — 528, излишек в 17 человек, повидимому, состоит из ламутов, тунгусов и т. д. Ручаюсь за то, что до половины батраков приморского происхождения, т. е. принадлежат к оседлым чукчам, но переписчики, наверное, об этом не спрашивали.

У коряков рабочих по найму 261, а нанято ими 264, цифры близкие.

Чукотский и коряцкий наем рабочих, взятые вместе, — 792, далеко превышает сумму наемных рабочих у всех других оленных народностей. Зырянское оленеводство по числу рабочих значительно уступает даже коряцкому, не говоря уже о чукчах. Также и самоедское число наемных рабочих является сравнительно совершенно незначительным.

Таким образом, у первых двух народностей число наемных рабочих 792, а у последних четырех, взятых вместе, — 502.

Общее число самоедских и тунгусских оленных хозяйств составляет 4902. Если прибавить сюда кочевых зырян и лопарей, общее число хозяйств 5589. Между тем общее число оленных хозяйств чукотских вместе с коряцкими составляет $1527 + 378 = 1905$, в три раза меньше числа оленных хозяйств вышеуказанных четырех народностей.

На этом фоне преобладание чукотских и коряцких батраков выделяется еще более реально.

Далее, у чукоч кочевых приходится на одно хозяйство с наемными рабочими по три батрака. У коряков три с половиной батрака, у самоедов, зырян, тунгусов, лопарей в общем и в отдельности $1 - 1\frac{3}{4}$ батрака.

Однако, при расчислении батраков надо принять во внимание, что 45 крупнейших стад Колымского округа с 98 998 оленями должны быть исключены, так как показаны не имеющими батраков. Таким образом, останется только сто стад и 250 500 оленей. Стало быть, у кочевых чукоч Камчатского округа в кулацких стадах приходится по 5 батраков на хозяйство.

Число батраков у чукоч и коряков резко выделяется из всей группы данных, относящихся к этому вопросу у всех оленеводческих народов Севера.

Народности	Число хозяйств	Число хозяйств, имеющих оленей	Работающих по найму:	
			мужчин	женщин
Оленные чукчи . . .	1556	1527	497	14
„ коряки . . .	390	378	190	63
Самоеды кочевые . . .	2248	2194	169	67
Тунгусы кочевые . . .	2887	2708	90	12
Зыряне кочевые . . .	420	410	64	8
Лопари кочевые . . .	286	277	101	10

Число хозяйств, имеющих наемных рабочих:

Чукчи кочевые	101	ими нанято:	мужч.	514,	женщ.	14
Коряки	76	"	"	201	"	63
Самоеды	147	"	"	172	"	32
Зыряне	112	"	"	135	"	49
Тунгусы	78	"	"	70	"	9
Лопари	33	"	"	32	"	3

Даже у оседлых русских, где классовое расслоение выражено с достаточной резкостью, мы имеем на 357 хозяйств с наемными рабочими 311 мужчин и 317 женщин, итого 628; наемных рабочих, все-таки меньше, чем два человека на хозяйство.

Какая причина такого резкого и четкого преобладания наемных рабочих у чукоч с коряками сравнительно с другими оленеводами. Оно связано, прежде всего, с укрупнением чукотских стад, которое произошло за последние полвека со времени последнего чукотского продвижения на западные тундры. Тридцать лет тому назад оно происходило на моих глазах, например, в районе р. Россомашей, между верховьями р. Большого Анюя и р. Чаун, также в Омолонском районе, в Олойском районе, в Анадырском районе и т. д. Это укрупнение имело стремительный характер, об этом свидетельствует укрупненная чукотская головка, приведенная выше. Чукотско-коряцкое стадо, по существу, предприятие крупное. Пасти небольшое число полудиких чукотских оленей весьма беспокойно и трудно. Олени все время будут норовить разбежаться. Чукотские олени имеют тяготение совсем не к хозяину, не к его хозяйству, жилищу, к кочевому поезду, а исключительно к стаду, которое при достаточной численности притягивает всех оленей, как будто магнитом, и не дает им разбежаться.

Чукотская оленяя головка в 145 стад имела 350 500 оленей, т. е. значительно более половины всего оленного стада. При вышеуказанной норме по 5 батраков на хозяйство общее число батраков было бы 725 человек и только у одних чукоч Камчатского округа 500. В данном случае женщины батрачек не нужно принимать во внимание, так как они нанимаются для домашних работ или для кочевки с грузным чукотским аргишом (хозяйственным караваном), по-чукотски *мишльн*.

Сравнивая укрупнение самоедского и зырянского поголовья с чукотским и коряцким, мы видим, с одной стороны, что на одно большое чукотское стадо приходится 2400 оленей, на самоедское 2050 и на зырянское 1760. Таким образом, размеры стада не особенно отличаются друг от друга. Тем более разительно различие найма батраков: у чукоч на одно большое стадо 5 батраков, а у зырян и самоедов по 1.2 батрака.

Конечно, эти последние цифры, выведенные как средние, следовало бы изменить, увеличив процент батраков для наиболее крупных хозяйств. Но совершенно очевидно одно, что самоедский и зырянский наем батраков далеко уступает чукотскому с коряцким. Кстати сказать, число батраков на хозяйство у самоедов и зырян совершенно совпадает, в среднем 1.2 батрака на хозяйство, при этом верхушка зырянских стад далеко не является особенно крупной и уступает даже самоедам, не говоря уже о чукчах с коряками.

Можно поставить вопрос, почему же у чукоч на 2400 оленей приходится 5 батраков, а у самоедов и зырян на несколько меньшее число 1.2 или 2 батрака?

Это можно было бы объяснить прежде всего тем, что чукотский пастух, не имея пастушеской собаки, может пасти меньшее число оленей, чем самоедские и зырянские.

Это однако, повидимому, не соответствует фактам. Так, у кочевых чукоч общее число оленных хозяйств 1527. Число мужчин занятых в оленеводстве: самостоятельно 2390, батраков 504, всего 2894.¹

Поголовье чукотского стада 589 795. На одного мужского взрослого работника 204 оленя.

У кочевых коряков число оленных хозяйств 378. Число мужчин, занятых в оленеводстве: самостоятельно 110, батраков 201, всего 1311. Поголовье корняцкого стада 136 636. На одного работника приходится 104 оленя.

Самоеды кочевые. Число оленных хозяйств 2194. Число мужчин, занятых в оленеводстве: $2886 + 172 = 3058$. Приходится на одного работника 143 оленя.

Зыряне кочевые. Число оленных хозяйств 410. Число мужчин, занятых в оленеводстве: $873 + 155 = 1028$. Приходится на одного работника 163 оленя.

Таким образом получается, что именно чукотский пастух выпасает самое большое количество оленей. Далее следуют зыряне, потом самоеды, а всех ниже стоят коряки. Заключение довольно неожиданное и не весьма надежное.

Из сказанного вытекает, что разгадка чукотского процента батраков на отдельное хозяйство лежит где-то вне вышеуказанного сравнения.

В разрешении таких загадок приходится быть осторожным, в особенности на основе хотя и обильного, но тем более ненадежного материала.

Скажу откровенно, что мы до сих пор в точности не знаем, что происходит на Севере, притом по самым наиболее острым, злободневным вопросам.

Даже по вопросу по снабжению Севера, притом в более близких районах, например на Амуре и не так далеко от Хабаровска, наши сведения весьма противоречивы.

С одной стороны, сообщается о постоянном улучшении снабжения и о его удовлетворительном состоянии в настоящее время.

С другой стороны, Ю. А. Крейнович в 1931 г. осенью привез даже с Амура, от амурских гиляков следующие предметы: два плотничных топора, с которых сняты стальные уклады для выковки ножей; топоры брошены за ненадобностью; три напилка, которые, путем отпускания и последующейковки были переделаны в ножи; обломок меди от старого чайника, который служил материалом для выделки медных поделок. В настоящее время нет не только сырой меди, но нет также и медных чайников.

Удочки сделаны из старых гвоздей. Копалки для кореньев сделаны из старых гвоздей.

В 1929 г. тов. А. С. Эстриным были привезены от гольдов, из того же Приамурского района, различные изделия из обломков железа и меди и, между

¹ Всех батраков кочевых чукоч можно без особенной ошибки относить к оленеводству. То же в значительной степени справедливо для других оленных кочевых народностей.

прочим, две остроги: одна местного дела, вполне пригодная, другая — купленная в кооперативе, сделанная из мягкого железа и никуда не годная, так как зубья гнутся от первого удара.

Эти факты можно было бы умножить. Они свидетельствуют о том, что снабжение металлами попрежнему находится в весьма неудовлетворительном состоянии.

Столь же неясным является вопрос о том, какая борьба ведется с кулацким засильем, существующим еще и теперь, особенно во внутренних частях обширных северовосточных округов.

Мы имеем, с одной стороны, авторитетные указания Ан. Скачко о левом загибе, который проводился в Якутской АССР еще в 1929 г. Дело идет о докладе иркутской РКИ, обследовавшей деятельность Якутского комитета Севера.

В этом докладе авторы его, при определении социальных групп кочевых оленеводов Колымского округа, устанавливают следующие имущественные показатели.

Количество оленей

До 10	бедняки
От 10—25	маломощные
„ 25—100	средняки
„ 100—500	кулаки
Свыше 500	феодалы (?)

Ан. Скачко совершенно справедливо указывает, что при таком расчислении в трех северных округах Якутии 73% хозяйств окажется в кулаках и феодалах и только 27% — в середняках и бедняках.

Однако, по данным Северной переписи у этих феодалов и сверхфеодалов при тысячных стадах не показано ни одного батрака.

Кавалерийские налеты на северное оленеводство, с непременным стремлением что-то немедленно урвать, отобрать, реализовать и реализованные распорядиться по-своему, неоднократно имели место еще начиная с 1919 г., и эти загибы были всегда останавливаемы приказами из центра и не успевали причинить особенно много вреда.

С другой стороны, какое соотношение между „феодалами“ и их батраками существует теперь в глубине северовосточной тундры? . .

Возьмем сообщения с мест в одном из последних номеров „Советского Севера“ (1931 г., 7—8). В отделе „Наша трибуна“ помещена статья М. Уралова „Проблема оленеводческих совхозов на Камчатке“, напечатанная в порядке обсуждения и в виде самокритики, с вызовом организации АКО на обстоятельное разъяснение.

В статье читаем: АКО наметило организовать в 1931 году на Камчатке четыре оленеводческих совхоза, забросило в эти районы товарные фонды и дефицитных и импортных товаров и приступило к закупке. Контрагенты скупки оленей исключительно у „феодалов“. Один из них имеет 3000 голов, друг

¹ Ан. Скачко. Имущественные показатели социальных групп у малых народов Севера. Советский Север, 1930, 3, стр. 17.

7000 голов. Они получают ружья, табак, патроны, сахар, муку, чай, одежду, порох и все прочее, вплоть до спирта. Сдают контрагентам АКО живых оленей, а сами скупают тем временем пушнину на тундре у всяких бедняков и сдают ее в фактории по высокой валютной цене. Ассигнования АКО, вложенные в импортный и дефицитный товар для закупки оленьих стад, достигают 300 000 руб.

Я не могу переписать всю статью Уралова, но боюсь, что в ней очень много правды.

Все это теперь переменялось, и АКО на Камчатке уж более не строит оленьих совхозов. Но изменилось ли засилье оленных „феодалов“?..

То же находим и в статье С. А. Бутурлина „Об охотничьем совхозе на Новосибирских островах“: весь промысел на островах из десятилетия в десятилетие находится исключительно в руках немногих кулаков, имеющих средства делать затраты на поездки и извлекающих из них очень солидные барыши.

То же в статье Е. Кавелина „В стране анакалин и чауча“ (кстати, я должен исправить: „В стране анкалинов и чуачу“; анкалин — приморский житель, чуачу — оленевод) автор описывает засилье колымского торговца Шкулева, живущего на Чауне, на самой границе между ЯАССР и Камчаткой. Советской власти Шкулев вообще не признает: „Когда Нижнеколымская милиция, пользуясь редкой оказией, посылает ему вызовы, он в задорном тоне отвечает, что никакого отношения к Колымскому округу не имеет, и всех, кто явится к нему нежелательным гостем, он сумеет встретить так, чтобы отбить охоту вторичного посещения, так как он в своем праве“.¹

Все окрестные чукчи у Шкулева в долгу. Он копит деньги, советских червонцев не берет, а в обмен на пушнину требует кроме дефицитных товаров либо американские доллары, либо золото.

В рассказе Кавелина также есть много внутренней правды. В свое время я знал на Нижней Колыме всю семью Шкулевых. Отец или дядя современного Шкулева, знаменитый на тундре под чукотским прозвищем „Омчат“, был такой же удалый и жесткий добычник. Даже внешность его сходится с описанием Кавелина „высокий, худой, с острым носом“.²

Все три сообщения взяты из одного журнального номера. На тундре, как будто, все обстоит попржнему. Мы составляем таблицы за таблицами, учитывая классовое расслоение по сериям и группам, а „Васька слушает, да ест“.

Я все же не принадлежу к пессимистам и в общем думаю, что несмотря на все безобразия и угнетения, возникшие в порядке распада древнего родового строя, еще усугубленные тлетворным влиянием постыдного царского режима, северное оленеводство имеет в основании здоровые начала. Эти начала не были разрушены разрухой и бесхозяйственностью недавно минувшего времени. Разруха ударила только по таежному оленеводству, сравнительно малочисленному и подсобному в охотничьем хозяйстве, а главного, основного — тундренного оле-

¹ Впрочем я имею сведения, что торговая Шкулева ликвидирована.

² С другой стороны, разговоры по поводу осмотра песцовых пастей (ловушек), которые Кавелин вел будто бы с чукчей Ньюатом (должно быть Нуватом), являются, как бы это сказать, довольно неточными. Дело идет о русском торговце тоже с Нижней Колымы Д. А. Бережнове. Бережнов имеет по берегу более тысячи пастей. Он обвинял бедного Нувата, что он у него крадет песцов из пастей. — Ты сам своих песцов теряешь, сказал ему Нуват, ты поставил столько

неводства — разруха не коснулась. Даже в наиболее тяжелые годы тундренное оленеводство не падало, а скорее умножалось.

Однако, оленнее хозяйство представляет слишком большую и ценную отрасль добывающей промышленности, чтобы оставлять его попрежнему в состоянии неорганизованном, полагаясь на естественный ход вещей, на наш постоянный и привычный самотек.

Натуральное и полунатуральное хозяйство северных народов с его примитивной экономикой и сравнительно низким приплодом, огромными потерями от болезней, волков и т. д., с его связанным состоянием лучшей части прироста, а также и всего стада, может и должно быть преобразовано на новых началах. Правильно организованный ветеринарный надзор, отстрел волков и медведей, сведут к минимуму эти потери, ныне исчисляемые примерно в четверть миллиона и более голов.

Соединенные Штаты и Канада справились с волками и медведями путем организации особых охотничьих команд и выдачи премий. Мы можем также применить на севере выдачу премий, организованный отстрел и даже применение стрихнина, конечно, не в таких безобразных формах, как это происходило до сих пор при старом режиме, а также и в позднейшее время.

Мы научились справляться с сибирской язвой — этой губительной заразой западного оленеводства. Стали справляться также с чесоткой; только копытница, особенно губительная для восточных стад, еще недостаточно затронута ветеринарным изучением.

По суждению специалистов, северные тундры дают возможность развить поголовье оленей до 20 миллионов голов. Аляска без особого труда вырастила на наших глазах за три десятилетия оленьее стадо больше миллиона голов. Современная оценка оленьего стада в СССР часто принимается в 30 миллионов рублей. Общая продукция оленеводства исчисляется в таблицах в 3 587 481 руб. Кроме того, продано живых оленей 47 659 на сумму 762 398 руб. Общая сумма продукции 4 349 879 руб. В составе продукции было оленьего мяса почти 100.000 центнеров, правда из всей продукции товарную форму приняла только одна шестая часть: 633 168 руб. Остальные пять шестых, очевидно, разошлись по другим экономическим каналам.

Ближайшая задача оленьей пятилетки состоит в том, чтобы, во-первых, возвысить общую валовую продукцию, а во-вторых, перевести ее в значительной части в товарную форму.

Каковы же должны быть практические формы этой важной работы? В практических мероприятиях на таких отдаленных окраинах, как северная тундра, прежде всего нужно говорить о надежном изучении, о знании, о деловом, осторожном подходе.

пастей, что ты их можешь осмотреть только раз в две луны, а их нужно осматривать 5—6 раз в луну". Семья Бережновых тоже принадлежит к числу самых деятельных колымских хищников, но что касается пастей, то их нельзя осматривать так часто. Ведь это на тысячу пастей выйдет 6000 тысяч осмотров в месяц. Деревянные пасты осматривают только два раза в год: весной и осенью. Иной раз смотрят добавочно зимою. От этого редкого осмотра в пастях пропадает без пользы три четверти добычи. Часто осматривать надо железные капканы. Промышленники имеют 10—15 капканов, постоянно настораживают и осматривают их, и добыча пропадает сравнительно редко.

Я указал, каким ненадежным и неточным материалом мы располагаем в хозяйственных итогах Северной переписи. Что касается форм бытовых, то напомним, что в ряде околотов те или другие хозяйства просто отказались подчиниться и не приняли переписчиков. Угрожающие речи, подобные вышеприведенным речам Шкулева, можно услышать не только от русских, но также и от туземных хищников.

С другой стороны, положение, существующее на северной тундре, больше продолжаться не может. Засилье крупных оленных хозяйев, бывших до сих пор неуязвимыми, должно быть сломлено. Темпы коллективизации Союза ССР не могут обойти наши северные окраины. Я не стану обсуждать путей, какими это может быть сделано. Комитет Севера, как известно, выдвигал вопрос о прогрессивном подоходном налоге на богатых оленных кулаков.

Главным вопросом является не вопрос юридический, а вопрос экономический, хозяйственный.

Ан. Скачко указывает на чрезвычайную хрупкость оленеводческого хозяйства и легкую возможность его разрушения и советует подходить к его социальному переустройству с наибольшей осторожностью.

Но я имею в виду не только социальную, но и хозяйственную осторожность. Еще в 1923 г. в одном из своих докладов по устройству севера я выдвинул тезис о том, что важнейшим богатством являются живые люди, т. е. северные народности, создавшие тысячелетний опыт по хозяйственному использованию природных богатств севера. Оленьи стада тоже являются ценнейшим имуществом. Это не природные богатства, это богатства, созданные человеческим трудом, живой капитал северного трудового хозяйства. Разрушить эту трудовую базу — значит разрушить самую ткань северного скотоводства.

В настоящее время надо, прежде всего, говорить и думать и усерднее работать для того, чтобы в спешном порядке подготовить хозяйственную базу для социального переустройства северного оленеводства.

Для этой работы потребуются новые кадры, прежде всего, туземные: пастухи для вновь организуемых стад как местные, так, быть может, и пришлые.

Три десятилетия назад американцы, создавая оленеводство на Аляске, вместе с оленными кадрами привозили пастухов: лопарей, самоедов, чукоч. Мы тоже должны приготовить и собрать кадры пастухов самоедских, зырянских и чукотских, в частности, в чукотские районы привезти именно зырянско-самоедских пастухов с пастушескими собаками. Чукотские оленеводы и теперь проявляют огромный интерес к рассказам о пастушеских собаках.

В связи с этим нужно немедленно отправить молодые кадры этнографов-животноводов на Аляску для изучения приемов американского крупного оленеводства.

Конечно, американские стада принадлежат к капиталистическому типу. Но хозяйственный опыт крупного капиталистического производства с огромною пользою может быть применен в крупном социалистическом строительстве.

Государству придется на первое время взять на себя необходимые расходы по устройству оленного хозяйства. Но такие приемы, как скупка оленей у самых богатых хозяйев в обмен на дефицитные товары, разумеется следует оставить.

Надо двинуть на северную тундру и, в частности, на северо-восток лучшие силы, какие имеются у нас по знанию и опыту работы на севере.

При правильной организации нового оленного хозяйства все расходы могут быть оплачены в ближайшее время развитием важной и прибыльной отрасли коллективного животноводства на северных тундрах, до сих пор наполовину пустынных.

На этом, в сущности, следует остановиться.

Скажу несколько дополнительных слов о Северной переписи.

Материалы, заключающиеся в переписи, являются почти необъятными, — и их изучение, несмотря на изрядное число промахов, неточностей и противоречий, представляется весьма поучительным. Моя небольшая попытка подвести некоторые подсчеты по разделу оленеводства все же привела к любопытным выводам.

Мы имеем, однако, право пожелать, чтобы на будущее время эти недочеты и промахи были избегнуты. Для этого вполне необходимо, чтобы в дальнейшем самое руководство переписью, составление карточек, подсчет поселенных списков и сводки таблиц велись соединенными усилиями статистиков, этнографов и экономистов. Статистики — это специалисты по самому ведению переписи, этнографы и экономисты имеют точные знания о племенном составе населения, о взаимоотношениях различных народностей, о промыслах и производствах, об естественных богатствах края и т. д. Они сумеют отличить сельдятку от сельди и пастушью собаку от просто домашней собаки. Сумеют разобраться во всех многочисленных породах северных зверей и птиц, которые спутались в таблицах итогов прихотливым клубком. Вся будущность Советской страны и ее последовательных пятилеток построена на подготовке соответственных специальных кадров, и надо, разумеется, чтоб каждое дело велось сочетанием разносторонних специалистов, без всяких любительских подходов.

В данном случае преобладание статистического, счетного цифрового подхода в ведении переписи придало ей механистический характер и привело к совершенно ненужному и почти бесконечному умножению граф и таблиц. В частности, 405 граф похозяйственной карточки, конечно, могли бы быть сокращены вчетверо, тем более, что среди этих 405 номеров не хватает нескольких совершенно необходимых. В северных условиях такие сложные карточки-простыни могут только без пользы запутать и счетчика и население.

Рядом с этим мы имеем право пожелать, чтобы таблицы итогов похозяйственной переписи были действительно итогами с освещением цифр и соответственными выводами, а не только таблицами сырых материалов.

Издание похозяйственной переписи Приполярного Севера можно назвать не итогами переписи, а только ее материалами. Подведение итогов хозяйственных, классовых и этнических еще предстоит впереди.